

2021

Lietuvos totorių
istorijos ir kultūros metai

TARPTAUTINĖ MOKSLINĖ KONFERENCIJA
TOTORIAI LIETUVOS ISTORIJOJE
IR KULTŪROJE XIV–XXI A.:
NAUJAUSI TYRIMAI

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
TATARS IN THE HISTORY AND CULTURE
OF LITHUANIA FROM THE 14TH TO
THE 21ST CENTURIES:
THE LATEST RESEARCHES

PRANEŠIMŲ SANTRAUKOS
ABSTRACTS

2021 m. rugsėjo 9–11 d.
9th–11th of September 2021

VILNIUS

**TARPTAUTINĖ MOKSLINĖ KONFERENCIJA
TOTORIAI LIETUVOS ISTORIJOJE
IR KULTŪROJE XIV–XXI A.:
NAUJAUSI TYRIMAI**

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
TATARS IN THE HISTORY AND CULTURE OF
LITHUANIA FROM THE 14TH TO THE 21ST CENTURIES:
THE LATEST RESEARCHES**

**PRANEŠIMŲ SANTRAUKOS
ABSTRACTS**

2021 m. rugsėjo 9–11 d.
9th–11th of September 2021

VILNIAUS UNIVERSITETAS

Leidinio biografinė informacija pateikiama Lietuvos nacionalinės Martyno Mažvydo bibliotekos Nacionalinės bibliografijos duomenų banke (NBDB).

The bibliographic information about the publication is available in the National Bibliographic Data Bank (NBDB) of Martynas Mažvydas National Library of Lithuania.

Sudarytojai / Compilers

Prof. dr. Joanna Kulwicka-Kamińska

Doc. dr. Galina Miškinienė

Doc. dr. Grigorijus Potašenko

Organizatoriai / Organizers

Filologijos
fakultetas

Rėmėjai ir partneriai / Sponsors and Partners

Informacinis palaikymas / Media Partners

RU.DELFI

KURIER
WILENSKI

ASOCIACIJS
LT INFORUM
PARAMOS FONDAS

РУИВ

ISBN 978-609-417-210-6

© Autoriai / Authors

Vilnius, 2021

Konferencijos globėjas / Conference Guardian

Prof. dr. Rimvydas Petrauskas, Vilniaus universiteto Rektorius /
Rector Magnificus of Vilnius University

Mokslinis komitetas / Scientific Board

Prof. dr. Rimvydas Petrauskas (Vilniaus universitetas, Lietuva)

Prof. dr. Inesa Šeškauskienė (Vilniaus universitetas, Lietuva)

Prof. habil. dr. Tamara Bairašauskaitė (Lietuvos istorijos institutas, Lietuva)

Prof. habil. dr. Sergejus Temčinas (Lietuvių kalbos institutas, Lietuva)

Prof. habil. dr. Alla Kozhinowa (Baltarusijos valstybinis universitetas,
Baltarusija)

Prof. habil. dr. Dariusz Kołodziejczyk (Varšuvos universitetas, Lenkija)

Prof. habil. dr. Czesław Łapicz (Torunės Mikalojaus Koperniko universiteto
Kitabistinių tyrimų centras, Lenkija)

Prof. habil. dr. Agata S. Nalborczyk (Varšuvos universitetas, Lenkija)

Prof. habil. dr. Andrzej Zakrzewski (Varšuvos universitetas, Lenkija)

Prof. dr. Egdūnas Račius (Vytauto Didžiojo universitetas, Lietuva)

Prof. dr. Mehmet Aça (Marmara universitetas, Turkija)

Prof. habil. dr. Diliara Usmanova (Kazanės (Pavolgio) federalinio universiteto
Istorijos institutas, Rusija)

Dr. Marat Gibatdinov (Tatarstano Respublikos mokslų akademijos Mardžani
istorijos institutas, Rusija)

Doc. dr. Hüseyin Durgut (Çanakkale Onsekiz Mart universitetas, Turkija)

Doc. dr. Mykhaylo Yakubovych (Albert-Ludwigs Universität Freiburg,
Vokietija)

Dr. Vladislav Hrybovskyi (Ukrainos nacionalinė mokslų akademija, Ukraina)

Organizacinis komitetas / Organizing Committee

Prof. habil. dr. Joanna Kulwicka-Kamińska (Torunės Mikalojaus Koperniko
universitetas, Kitabistinių tyrimų centras)

Doc. dr. Galina Miškinienė (Vilniaus universitetas, Filologijos fakultetas)

Doc. dr. Grigorijus Potašenko (Vilniaus universitetas, Istorijos fakultetas,
Kultūrinių bendrijų studijų centras)

TURINYS / CONTENT

Plenariniai pranešimai / Plenary Presentations

Prof. habil. dr. Tamara Bairašauskaitė	6
Prof. dr hab. Joanna Kulwicka-Kamińska, prof. dr hab. Czesław Łapicz	7
Dr. Vladyslav V. Hrybovskiy (Владислав Грибовський)	9

Pranešimai / Presentations

Prof. dr. Mehmet Aça	11
Assoc. prof. dr. Mariia Bulgarova (Мария Булгарова)	13
Prof. dr hab. Selim Chazbijewicz	15
Dr. Borys Cherkas (Борис Черкас)	17
Dr hab. Andrzej Drozd	20
Dr. Stanisław W. Dumin (Станислав Думин)	22
Assoc. prof. dr. Hüseyin Durgut	24
Prof. dr hab. Marek Dziekan	26
Dr. Marat Gibatdinov (Марат Гибатдинов)	27
Assoc. prof. dr. Mykhaylo Yakubovych	29
Assoc. prof. dr. Veneta Yankova (Венета Янкова)	30
Assoc. prof. dr. Zorina Kanapatskaya (Зорина Канапацкая)	32
Prof. dr. Mukhiddin Khayruddinov (Мухиддин Хайруддинов)	34
PhD student Gulnara Khayrullina (Гульнара Хайруллина)	36
Prof. dr. Libertas Klimka	37
Prof. dr hab. Izabela Kończak	39
Dr Artur Konopacki	41
Prof. habil. dr. Alla Kozhinowa (Алла Кожинова)	42
Dr. Lina Leparaskienė	44
Prof. dr. Alena Liubaya (Алена Любая)	46
Doc. dr. Galina Miškinienė	48
Siarhiej Miskiewicz (Сергей Мискевич)	50
Prof. dr. Jonas Mardosa	52
Assoc. prof. dr. Dina Mustafaina (Дина Мустафина)	54
Dr. Yaroslav Pylypchuk (Ярослав Пилипчук)	56
Prof. dr. Egdūnas Račius	58

Prof. dr. Alfina Sibgatullina (Альфина Сибгатуллина)	59
Dr Katarzyna K. Starczewska	61
Assoc. prof. dr Andrzej Stopczyński	63
Prof. habil. dr. Sergejus Temčinas	64
Prof. habil. dr. Diliara Usmanova (Диляра Усманова)	66
Dr. Albina Khayrullina-Valieva (Альбина Хайруллина-Валиева)	68
Assoc. prof. dr. Mehmet Celal Varişoğlu, assoc. prof. dr. Behice Varişoğlu	69
PhD student Katarzyna Wasiak	71
Lic. Maria Woźniak	72

PLENARINIAI PRANEŠIMAI / PLENARY PRESENTATIONS

prof. habil. dr. Tamara Bairašauskaitė

Lietuvos istorijos institutas / Lithuanian Institute of History

Sprawa autorstwa XVII-wiecznego paszkwilu „Alfurkan Tatarski”: nowe odkrycia

The Question of the Authorship of the 17th century pasquinade “Tatar Alfurkan”: New Discoveries

Sprawa autorstwa XVII-wiecznego dzieła „Alfurkan Tatarski” od lat zajmuje badaczy. Powszechnie wątpi się, aby był nim tytułowy Piotr Czyżewski. Cza-sem, na podstawie informacji zawartej w tytule wydania z 1617 r., przypu-szcza się, że to ktoś z ziemi trockiej, a nawet sąsiad Tatarów osiadłych nad Waką. Antyislamski charakter dzieła i wyraźna niechęć autora do Tatarów sugerują, że mógł to być duchowny katolicki, jak to przypuszczał Aleksander Brückner. Jurgita Šiaučiūnaitė-Verbickienė, która przeprowadziła szczegółową analizę wydań „Alfurkanu Tatarskiego” z lat 1616, 1617, 1640 i 1643, doszła do wniosku, że jego autorem mógł być wileński drukarz Józef Karcan. Natomiast z badań prowadzonych przez autorkę prezentowanego referatu (i które zostaną w nim szczegółowo przedstawione) wynika, że autor był ściśle związany z opactwem benedyktynów w Starych Trokach.

**prof. dr hab. Joanna Kulwicka-Kamińska,
prof. dr hab. Czesław Łapicz**

Centrum Badań Kitabistycznych Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu /
Centre for Kitab Studies of Nicolaus Copernicus University in Toruń

Z metodologii datowania rękopisów Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego

From the Methodology of Dating the Manuscripts of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania

Researchers of the manuscripts of Tatars – Muslims of the Grand Duchy of Lithuania (hereinafter: GDL) – encounter numerous difficulties related to their chronologization. These problems are related mainly to the fact that in the methodology of kitabistic research, it is necessary to take into account at least three reference points in time, three aspects of dating Tatar manuscripts, namely:

1. Dating the origins of the literature of Tatars of the GDL, i.e., the time of the creation of (lost) protographs, which is also related to explaining the genesis of this literature and searching for answers to questions about the language of the first translations, especially the Quran: was it Polish or Belarusian.

2. Dating of individual, preserved until today, manuscripts. It boils down mainly to establishing the date of making specific handwritten copies, because the manuscripts known today are copies of earlier source bases, reaching as far as missing protographs. They form a specific chain of genetically related write-offs.

3. Dating of the content units included in the individual monuments available today, especially kitabs and khamails.

With regard to the manuscripts of Tatars of the GDL, three dates should therefore be taken into account: time when protographs were created, time when the basis for copying a specific monument was established and time when a later copy was created. Even several earlier manuscripts with different times and places of origin, prepared by different authors (copyists) with different religious competences and writing preferences, can be the basis for copying. Therefore, subsequent copies can accumulate and document linguistic

facts that are different in time and space.

Regardless of many difficulties, however, kitabist researchers make either certain, or at least hypothetical or approximate dating of manuscripts, basing their conclusions on the criteria which are both direct (e.g. colophones, temporal references in the content of manuscripts, etc.) or indirect (e.g. paper watermarks, history of Polish and Belarusian languages reflected in the manuscripts, history of Islam in the GDL, time-varying graphs and spelling of manuscripts, codicological features of monuments, etc.).

dr. Vladyslav V. Hrybovskyi (Владислав Грибовський)

Інститут української археографії та джерелознавства
ім. М. С. Грушевського, НАН України / Institute of Ukrainian
Archaeography and Source Studies of M. S. Hrushevsky of National
Academy of Sciences of Ukraine

Татари на степном пограничье Великого княжества Литовского и Крымского ханства в первой половине XVI века

Tatars on the Steppe Borderland of the Grand Duchy of Lithuania and the Crimean Khanate in the First Half of the 16th Century

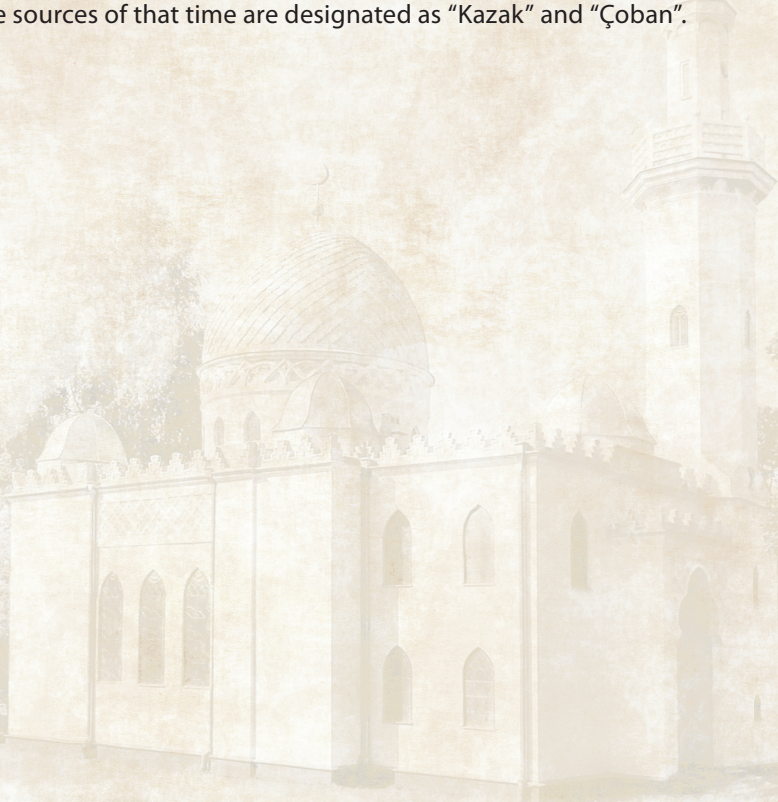
The ethnic situation on the borderland of the Grand Duchy of Lithuania and the Crimean Khanates is analyzed on the basis of narratives (Michalon Lituanus, Marcin Broniowski, Marcin Bielski, Bartosz Paprocki) and documentary sources (publications “Lithuanian Metrics”, “Archive of South-Western Russia”, documents of the Russian State Archive of Ancient Acts, Central State Historical Archive of Ukraine).

The boundaries laid by the local prince of Kiev Simeon Olelkovich in the 15th century were significant for a later time as a precedent for ideas about the boundary between the Black Sea Tatars and Ukrainian Cossacks. The Zaporozhian Host at the early 18th century referred it as “Vytautas borders”. However, this “boundary” was conditional. The steppe space between the rivers Southern Bug and Dnieper was occupied by the Ukrainian Cossacks (later the Zaporozhians) in the summer, and by the “Perekop Tatars” in the winter. The seasonal migrations, set by the conditions of the first half of the 16th century, persisted until the middle of the 17th century.

The notion “Tatars” is a conventional designation for the Turkic-speaking population in the Black Sea steppe before the migration of the Noghais to this region in the second half of the 16th – early 17th centuries. “Perekop Tatars” were not nomads, but a semi-sedentary population. Economic occupations and the degree of settlement of this population differed according to gender, age, and social position. Women, children, clients, and slaves lived in stationary settle-

ments, were engaged in agriculture and horticulture. Full-fledged men led a mobile lifestyle, were engaged in stockbreeding, hunting and war. The economy was based on sheep and horse breeding.

Particular attention is paid to the male groups of the "Perekop Tatars", which had a changeable and often multiethnic composition, combined shepherding and war, and for a long time were without a family and permanent place of residence. Some demographic data (cited by *Gilles Veinstein*) indicate a significant excess of the number of men relative to women. These male groups in the sources of that time are designated as "Kazak" and "Çoban".

PRANEŠIMAI / PRESENTATIONS

prof. dr. Mehmet Aça

Marmara Üniversitesi / Marmara University

Dilini Kaybetmiş Bir Toplumun Kimlik Mücadelesinde Ritüellerle Törenlerin Rolü: Litvanya Tatarları Örneği

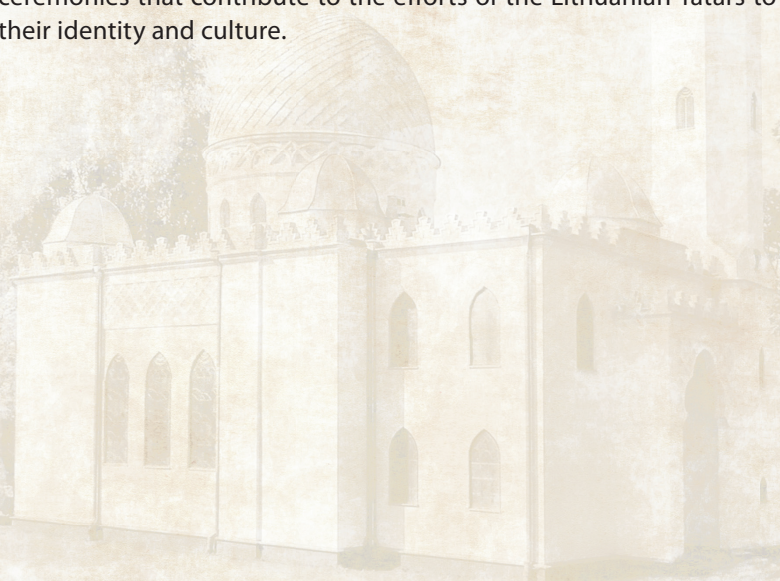
The Role of Rituals and Ceremonies in the Identity Struggle of a Society that Has Lose Its Language: the Example of Lithuanian Tatars

Language, history, geography, belief, and culture have an important place in the societies to have a common identity and to maintain their existence by embracing this identity. Identity generally refers to a person or group's definition of itself and its positioning among other people or groups. One of the basic processes of the formation of identities at the group level is collective memory. A common emphasis plays an important role in the formation of group identity. Rituals and ceremonies are very functional in highlighting a common past and keeping the collective memory alive. Ritual, which means the repetition of certain values related to individuals or groups with symbolic and invariable sequential behavior patterns, is an emotional channel that feeds group consciousness and unity. It guides new knowledge and experience. Rituals that connect the past to the present and the present to the future can be either religious or secular. Rituals contribute to the raising of group consciousness in the participants; they determine social status and roles; they offer ready patterns of behavior by showing how the individual will behave in society; they connect individuals to the past with an emotional bond.

Tatars, who came from the Golden Horde and settled in Lithuania from the end of the 14th century, have forgotten their mother tongue in the 16th century. Lithuanian Tatars, who have important rights and privileges recognized by the Grand Duchy of Lithuania as the equivalent of their important services, have preserved their identity thanks to the rights and privileges granted to them, Islamic beliefs, rituals, and ceremonies. Religious rituals, commemora-

tion and celebration ceremonies supported the efforts of Lithuanian Tatars to keep their traditions alive; contributed to efforts to maintain ties between them. It kept their commitment to the roots or the common past alive. Celebrations and ceremonies related to religious festivals and transition periods perform important duties in the transfer of culture to children and young people. The celebration and commemoration programs organized for the 620th anniversary of the arrival of the Tatars to the Grand Duchy of Lithuania, on the one hand, expressed loyalty to the Lithuanian State and the Lithuanian people, and, on the other hand, contributed to remembering the roots. In particular, Saban Tuy, held in Lithuania in 2017, contributed to the development of the relations of Lithuanian Tatars with other Tatar groups living in the Russian Federation and Anatolian Turks.

In this study, rituals and ceremonies will be discussed and interpreted through various rituals (religious festivals, rites of passage, Saban Tuy and etc.) and ceremonies that contribute to the efforts of the Lithuanian Tatars to protect their identity and culture.

assoc. prof. dr. Mariia Bulgarova (Мария Булгарова)

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при
Правительстве КЧР / Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Research
at the Government of the Karachay-Cherkess Republic

Имена собственные как этнокультурный текст: ногайская топонимия как детерминанта этнической памяти

Names of Their Own as an Ethnocultural Text: Nogai Place Names as Determinants of Ethnic Memory

Ономастическая лексика ногайского языка сформировалась в процессе многовекового культурно-исторического развития этноса, сохранив историческую, историко-географическую информацию. Как известно, путь, пройденный народом, информативно кодируется в его языке. Топонимы, этнонимы, имена предков до седьмого поколения традиционно передавались из поколения в поколение, сохранялись в этнической памяти каждого представителя ногайского народа. Ногайские географические названия разбросаны, рассыпаны по всей Евразии – от Иртыша до Дуная, от Иссык-Куля до Средиземного моря.

Известный российский историк Трепавлов В.В., рассматривая в одной из своих статей территориальный диапазон ногайского историко-культурного наследия в степной зоне Евразии, отмечает, что «ногайская эпоха оставила след в виде имен аристократов, увековеченных в топонимике Нижнего Поволжья...». Это имена наиболее заметных фигур в политической истории этой части Евразии – *Мамай* и *Урак*.

На карте Евразии заметный след оставил также этноним и антропоним *Ногай*, увековеченный в топонимии Евразии от Иртыша до Дуная: *Ногай Юлы* (Сибирь, Татарстан); *Ногай Йылгасы*, *Ногай* (село в Башкирии); *Нугай Кала* (Татарстан); *Ногай Губгуа* (адыгское название придонских степей от Азова до Дона); *Ногай Чешмеси* (Гагаузия); *Ногайры* (по данным карты Беларуси и Литвы, 1935 г.); *Ногайская Степь* (юг Украины); *Ногайский Полуостров* (на р. Днестр); *Ногайлар* (село в Турции) и др.

Сотни названий древних ногайских деревень и географических

объектов отмечены в Средней Азии, Сибири, Башкирии, Татарстане, Крыму, Болгарии, Венгрии, Турции, Украине, Белоруссии. Значительное количество ногайских топонимов, зафиксированных в местах проживания народа в прошлом (Крым, Молдова, Закавказье), содержат в своем составе этнонимы: *Канглы, Керейт, Булгар, Конгырат, Орак, Найман, Карас* и др. Названия селений, оставленных ногайцами в XVIII в. на территории современной Гагаузии, были сохранены гагаузами, поселившимися в них. Старые ногайские названия селений сохранились до сегодняшнего дня: *Авдарма, Алакай, Дизгинджи* и др. Ногайцы оказали влияние на формирование топонимической системы Республики Молдова: *Кишинев, Комрат* и др. В Венгрии, в названии города Дебрецен ученые усматривают: 1) тюркскую (кипчакскую) основу «Tébrésün ~ Débrésün, что означает «двигаться», «жить», либо мужское имя»; 2) в основе имени города – название древнетюркского праздника *Tepreş Bayram. Тенреш Байрам*, народный весенний праздник, сохраняется у современных ногайцев.

Этническая память, любовь к местности, к отчужденному дому закладывается и передается на генетическом уровне развивается с раннего возраста. Отсюда наличие в исторической ногайской топонимии «перенесенных названий»: *Ажи-Кала, Эдил, Яйык, Сыр, Ак-Мешит, Дьорткил, Кара-Тюббе, Ажи-Тогай, Акбилек, Ак-Шокырак, Ак-Топырак, Токтамыс/Токтамыш, Кырк-Куйы*, ассоциирующихся с понятиями родины.

В образовании ногайских топонимов активно участвуют определенный ряд числительных, как эти «семь», кырк «сорок», мынь «тысяча», передающие не точное количество объектов, а подчеркивающие их обилие и множество: *Кырк-аул / Сорокоаул* – бывшее название аула Канглы (Минераловодский район / Россия); *Сорок татар* (Вильнюсский район, Литва); *Мынь-Шонькыр* (местность в Ногайском районе, Карачаево-Черкесской Республики); *Кыркер* (Крым); *Кырк-Куйы* (Турция) и др.

Топонимическая, антропонимическая системы языка являются этническим наследием народа. Глубокое осмысление древних топонимов, существующих тысячелетиями в памяти народов, исторических источниках будет иметь большое значение в комплексных научных исследованиях в области этнокультурных взаимосвязей тюркских народов мира. Также данные ногайской топонимии, приведенные в настоящей статье, могут быть использованы в исследованиях, посвященных языку литовских татар.

prof. dr hab. Selim Chazbijewicz

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie / University of Warmia and Mazury in Olsztyn

Religijność Kazachów i polsko-litewskich Tatarów. Porównanie tradycji obrzędowości

Religiousness of Kazakhs and Polish-Lithuanian Tatars. Comparison of the Tradition of Rituals

Autor wystąpienia porównuje obrzędy polsko-litewskich Tatarów takie jak: pogrzeby, śluby, pięciokrotne modlitwy w ciągu dnia z ogólnie przyjętą w islamie obrzędowością szkoły hanafickiej oraz specyfikę obrzędowości tatarskiej na Litwie i w Polsce oraz w Kazachstanie z uwzględnieniem sufickich praktyk tarikatu Yesewijje pochodzących od Ahmeda Yesewi.

W tradycji polskich i litewskich Tatarów istnieją do dzisiaj wpływy zarówno szamanizmu jak i sufizmu. Są to: hymny śpiewane przy wynoszeniu zwłok zmarłego na cmentarz, tradycyjne obchody 40 dni po śmierci, organizowanie drugiej pożegnalnej modlitwy i poczęstunku dla modlących, tradycja stawiania na wołoku czy kozuchu podczas ślubu, a także wchodzenia na wzgórza i śpiewania hymnów ku chwale Bożej. Te tradycje już praktycznie zanikają zarówno w Polsce jak i na Litwie i w Kazachstanie. Zostają zastąpione przez współczesną praktykę modlitewną importowaną z krajów arabskich razem z absolwentami studiów teologicznych, którzy kończą szkoły w Arabii Saudyjskiej czy w Kairze.

Warto także wspomnieć o praktyce modlitw i pielgrzymek do grobów „świętych”. Wprawdzie w islamskiej ortodoksji nie ma pojęcia świętych, nie mniej w tradycji sufizmu są groby świętych, które nawiedza się podczas pielgrzymek. Dla Tatarów polsko-litewskich takim grobem jest mogiła Ewliji Konusia na cmentarzu w Łowczycach obok Nowogródka, na terytorium obecnej Białorusi. Dla Kazachów, ale także innych narodów Azji Centralnej jest to mauzoleum Ahmeda Yesewi, nazywanego ojcem tureckiej tradycji sufizmu. Mauzoleum to budowane w XV stuleciu przez Timura Lenka (Tamerlana), a znajdujące się w Kazachstanie w mieście Turkistan jest współcześnie ośrodkiem lokalnych pielgrzymek i kultu. Ahmed Yesewi żył w XII stuleciu, był mistykiem i poetą, który próbował w swojej praktyce mistycznej nawiązywać do starotureckich

tradycji, wywodzących się z szamanizmu. W ogóle kult przodków jest wspólny dla narodów turkijskich, w tym polsko-litewskich Tatarów.

dr. Borys Cherkas (Борис Черкас)

Інститут історії України НАН України / Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine

Вопрос великокняжеского статуса Витовта через его украинско-ордынский вектор деятельности

The Issue of the Grand-Ducal Status of Vitovt through His Ukrainian-Horde Vector of Activity

Фигура Витовта до сих пор остается важным фактором во всех исследованиях, посвященных истории не только Великого княжества Литовского, но и периода XIV–XV вв. в целом. Одним из важнейших направлений исследований является украинско-ордынская политика Витовта – пожалуй, одна из наиболее противоречивых и мифологизированных страниц той истории. И, что важно, хотя на сегодня наблюдается оживление интереса именно к этому направлению политики Витовта, все же большее количество вопросов остается нераскрытыми. С одной стороны, можем наблюдать введение дополнительных источников в научный оборот, появление хороших работ, но при этом остается проблема раскрытия загадки – так в чем же главная суть для Витовта и в целом династии Гедиминовичей, этого вектора политической деятельности.

По моему мнению, главным ограничителем понимания важности украинско-ордынской политики, является восприятие истории сквозь современную психологию и мировоззрение. Соответственно сразу появляются сомнения в отношении контуров границ между государствами, масштаба походов, демографических миграций и т.п. Что говорить, если даже главный миф той эпохи о том, что Витовт будто бы прогнал князей с украинских княжеств и сами княжества превратил в области живет до сегодняшних дней. Хотя сам этот сюжет наиболее ярко противоречит тем династическим и правовым отношениям, которые составляли тот период прошлого, именуемый Поздним Средневековьем! И именно в данном ключе мы можем окончательно решить вопрос взаимоотношений Витовта с Ягайлом и Свидригайлом, а также почему именно по отношению к первому он вынужден был постепенно возводить свой статус великого

князя, при том, что Ягайло фактически не имел власти на своей родине, а второй представлял серьезную опасность, хотя так же не обладал, на первый взгляд, достаточной силой.

Ягайло был не просто наследником великого князя Литовского. По материнской линии он и его брат Свидригайло были такими же прямыми потомками великого князя Тверского и... короля Данила! Чего только стоит решение Ягайло отобрать у Федора Любартовича Волынского княжества лишь на том основании, что этот князь родился не от наследницы Романовичей, а от ростовской княжны.

В этих условиях Витовт имел довольно призрачные правовые основания для своего правления. Даже его погоня, на первых порах изображала пешего воина. В то время как некоторые двоюродные братья, правившие в украинских княжествах, уже использовали полную погоню.

Именно с этим «статусным» багажом Витовт подошел к своему первому правлению не в литовском анклав, а именно Волыни. И именно тут Витовт значительно меняет свое положение для современников благодаря помолвке своей дочери Софии с наследником московского престола Василием. Более того, что важно особенно для будущей политики Витовта – московские князья относились в политической палитре Европы, к властным кругам Золотой Орды (хотя данный факт и болезненно воспринимается российской историографией). К слову, именно на Волыни Витовт получает еще один элемент «великокняжеской» власти, а именно княжескую канцелярию Романовичей.

Исходя из вышеуказанного, следует по-новому взглянуть на позиции и устремления Витовта после смерти Скиргайлы. Витовт быстро занимает украинские княжества и автоматически получает право быть князем «литовским и киевским», как его называет летописец тверской. Очевидно, что «киевский» тут выступает синонимом «русский». Таким образом Витовт смог получить те механизмы, которые давали ему право выступать как суверенный монарх, равный, в первую очередь, своему кузену Ягайло: канцелярия, двор, состоящий из представителей родов Гедиминовичей и Рюриковичей, владение украинскими княжествами (Черниговским, Стародубским, Новгород-Северским, Волынским, частично Подольским и главное Киевским) и Киев как центр православной митрополии... И именно в этот момент перед Кейстутовичем открываются новые горизонты, причем такого уровня, которого не имел ни один соседний христианский правитель.

Обращение Токтамыша за помощью к Витовту, фактически подняло Витовта на уровень «татарского императора». В дальнейшем, когда Витовт из союзника станет фактически сюзереном (используя данный термин из европейского феодального права с некоторой долей условности) определенной части Чингизидов, его положение как правителя станет абсолютно стабильным. Более того, расширение своего двора именно за счет Чингизидов, ордынских князей также будет логическим продолжением формирования великокняжеского статуса. Финалом же данных процессов следует считать формирование общин из числа караимов и литовских татар, как части ордынского мира, перенесенного в литовский домен.

В заключение следует отметить, что именно восприятие политики Витовта в направлении украинских княжеств и Золотой Орды, сквозь призму психологии и мировоззрения средневековья, с его понятием «династичности» и «происхождения» дает возможность расставить известные факты в их логическом порядке и прояснить те или иные проблемы истории времен Позднего Средневековья.

dr hab. Andrzej Drozd

Uniwersytet Warszawski / University of Warsaw

Akwarela Franciszka Smuglewicza z 1785 r. „Meczet Tatarów i ich nabożeństwo“: pierwsze malarskie przedstawienie meczetu i Tatarów polsko-litewskich

Watercolor by Franciszek Smuglewicz from 1785 “The Mosque of the Tatars and Their Service”: the First Depiction of a Mosque and of the Polish-Lithuanian Tatars

At the end of the 18th century, the first depiction of a mosque and of the Polish-Lithuanian Tatars was created – a watercolor by the popular artist of historical and religious painting of the King Stanisław August Poniatowski’s era and the founder of the Vilnius painting school, Franciszek Smuglewicz, “The Mosque of the Tatars and their service”. Made in sepia and ink, despite its small size, it shows with great precision the interior of the mosque in Łukiszki near Vilnius and the praying Tatars there. For a long time it was dated to 1781, but in the light of the current findings on the life of Franciszek Smuglewicz, I move the date of the watercolor from 1781 to around 1785. It is an excellent iconographic document containing many reliable details, such as the Tatar clothes, the imam’s outfit, their prayer gestures and items used during prayer (tespih, prayer book), minbar with forms borrowed from rococo church furniture, spatial arrangement of the prayer room, longitudinal division of the interior of the mosque into a male and female hall separated by a wall with a sight gap covered with a curtain, stripes stretched on the floor cloths used instead of prayer rugs, candlelight, prayer benches for the disabled. For the first time (and the only time, until the photographic documentation from the 20th century), a recipient who had no direct contact with the Tatars could come into contact with their religious practices and the interior of the temple. This watercolor was not widespread for a long time. Along with twenty other similar views of Vilnius, it was included in an album that belonged to the first half of the 19th century. In 19th century to the Jaszczold family from the Kingdom of Poland. In 1843, the lieutenant of the corps of engineers of the Russian army, Jan Jaszczold, made it available to prof. M. Homolicki in Vilnius, who described the contents of the

album, a watercolor depicting a service in an arch mosque, but discussing it with few words only. Later, the Jaszczółd album found its way to the collection of Emyryk Hutten-Czapski at the National Museum in Krakow. Only then (in 1912) the watercolor could reach a wider audience, as it was published in black and white photographic reproduction. It is worth adding that the entire album, including the discussed view of the service in Łukiszki, was commissioned by Prince Adam Kazimierz Czartoryski, the curator of the Vilnius scientific district at the time.

dr. Stanisław W. Dumin (Станислав Думин)

Историко-Родословное Общество в Москве / *Historical & Genealogical Society in Moscow*

Крымское общество литовских татар (1918–1919)

Crimean Society of Lithuanian Tatars (1918–1919)

В годы Первой мировой войны многие литовские татары были вынуждены покинуть родные места и в качестве беженцев оказались в различных губерниях Российской империи. Одна из крупных литовско-татарских общин сформировалась в Крыму, где в 1918 г. некоторые представители этой группы занимали высшие правительственные посты в Крымском краевом правительстве, которое возглавил их соотечественник генерал-лейтенант М.А. Сулькевич.

В сентябре 1918 г. группа литовских татар во главе с Мустафой Шункевичем (братом будущего муфтия Речи Посполитой) провела учредительное заседание Крымского общества литовских татар, организации, призванной защищать интересы литовско-татарских беженцев и переселенцев. Общество возглавил комитет под председательством М. Шункевича.

Документы этого общества, сохранившиеся в архивном фонде Крымско-татарской национальной директории [ГА Республики Крым. Ф. Р-993. Оп. 1. Д. 215. (86 лл.)] довольно подробно отражают его деятельность с сентября 1918 по начало 1919 г.

Цели и задачи новой организации были сформулированы в составленных в октябре 1918 г. обращениях на имя премьер-министра М.А. Сулькевича, военного министра А.С. Мильковского и министра юстиции сенатора А.М. Ахматовича, избранных ее почетными членами. Называя Крым родиной своих предков, Общество отмечало, что *«сильной моральной поддержкой является для нас сознание того, что для литовских татар в этом крае не только нет никаких ограничений, а что, напротив, отдельные представители из нашей среды выдвинуты на самые важные посты Государственного Управления»*.

После отставки правительства Сулькевича (15 ноября 1918 г.) Общество довольно активно взаимодействовало с новой татарской администрацией Крыма. Уже в ноябре 1918 г. оно вело переговоры с Парламент-

ской комиссией и с другими организациями о возможности предоставлении литовским татарам права участия в выборах в Крымский татарский национальный парламент. Но основной и самой насущной задачей, как видно из переписки, была организация помощи беженцам. Общество вело списки литовских татар, оказавшихся в Крыму (для их регистрации была разработана и распечатана на гектографе анкета – «Опросная карточка»), составляло списки лиц, желающих поступить на службу (в частности, в формируемую Ялтинскую управу) и выдавало им соответствующие рекомендации, вело списки детей (например, девочек из бедных семей), нуждавшихся в устройстве в татарские школы Крыма, обращалось в Симферопольскую городскую управу, изучая возможность приобретения литовскими татарами свободных городских участков земли, делегировало своего представителя в Попечительский комитет при Татарской учительской семинарии. В корреспонденции Общество использовало штамп и круглую печать с названием на русском языке, с арабской надписью и изображением лука (традиционной татарской геральдической эмблемы) в центре.

Очевидно, Общество было вынуждено прервать свою деятельность в апреле 1919 г., после оккупации Крыма Красной армией, и уже не возобновило ее после изгнания большевиков Белой армией в июне 1919 г. Многие литовские татары уже в то время покинули Крым и затем сумели вернуться в родные места. Тем не менее, непродолжительный опыт создания в Крыму литовско-татарской общественной организации, призванной защищать интересы этой группы, несомненно, заслуживает внимания, а некоторые члены Крымского общества литовских татар (например, Али Воронович) впоследствии играли видную роль в литовско-татарских организациях в межвоенной Речи Посполитой.

Litvanya Tatarlarına Ait El Yazmalarındaki Türkçe Metinlerde Söz İçi ve Söz Sonunda Ünlü Türemesi Üzerine

On the Vowel Epenthesis and Epithesis in Turkish Texts in the Manuscripts of Lithuanian Tatars

Bir kelimenin asıl biçiminde bulunmayan bir ünlünün çeşitli sebeplerle o kelimeye ilave edilmesine ünlü türemesi adı verilir. Morfolojik bir nedeni olmayan ve genellikle söyleyişi kolaylaştırmayı amaçlayan ünlü türemesinin söz başı, söz içi ve söz sonunda olmak üzere üç türü vardır. Türkçede söz içi ve söz sonu ünlü türemesinin nedenlerinden birisi, Türkçenin hece yapısına uymayan alıntı sözlerde söyleyiş zorluğunu ortadan kaldırmak ve alıntı sözleri Türkçenin hece yapısına uydurmaktır. Bilindiği üzere Türkçe kökenli sözlerde ancak belli ünsüz çiftleri bir arada bulunabilir. Bu nedenle Türkçede söz sonunda bulunmayan ünsüz çiftlerine sahip alıntı sözlerde söz içinde ünlü türemesi yaygın olarak karşımıza çıkar. Öncelikle konuşma dilinde ortaya çıkan bu ünlü türemesi zamanla ölçünlü dile de geçebilir. Türkçede söz sonunda ünlü türemesi ise söz içinde ünlü türemesi kadar yaygın olarak görülmez. Söz sonu ünlü türemesi daha çok ağızlarla sınırlıdır ve ölçünlü dile geçmiş örnekleri pek azdır. Söz sonunda ünlü türemesi, bazı Türk lehçelerinde Türkiye Türkçesine göre daha fazla görülen bir ses olayıdır. Özellikle alıntı sözlerde görülen söz sonunda ünlü türemesi, Türk dilinin ses düzenine uymayan yabancı kökenli sözlerde söyleyiş kolaylığı sağlar. Söz sonu ünlü türemesi, Türkçede söz sonunda bulunmayan ünsüz çiftlerini bulandıran alıntı sözlerde ortaya çıktığı gibi söz sonunda ikiz ünsüz bulunan alıntı sözlerde de ortaya çıkar.

Litvanya Tatarlarına ait el yazmalarında bulunan Türkçe metinlerde söz sonunda ünlü türemesi örneklerinin daha yaygın olduğu göze çarpmaktadır. Özellikle *kitab* türündeki el yazmaları içinde yer alan Eski Anadolu Türkçesi dönemine ait miraç metni ve bazı şiirler bu konuda önümüze zengin bir malzeme sunmaktadır. Bu metinlerde, Türkçeye Arapça ve Farsçadan geçmiş olan alıntı sözlerde söz içi ve söz sonu ünlü türemesi örnekleri ilginç bir şekilde ikili olarak

karşımıza çıkmaktadır. Yani aynı alıntı kelimenin hem söz içi hem de söz sonu ünlü türemeli olarak kullanıldığını görüyoruz. Bu bildiride, Litvanya Tatarlarına ait el yazmalarında bulunan Türkçe metinlerde görülen söz içi ve söz sonu ünlü türemesi olayları incelenecek ve söz sonu ünlü türemesinin bu metinlerde daha fazla görülmesinin sebepleri tartışılacaktır.

prof. dr hab. Marek Dziekan

Uniwersytet Łódzki / University of Lodz

Magia miłosna w chamaile Aleksandrowicza

Love Magic in the Khamail of Alexandrovich

W kulturze muzułmańskiej „biała magia” zajmuje szczególne miejsce. Choć jest przez islam zakazana, to jednak istnieją takie jej dziedziny, które stosowane są od wieków i okazują się silniejsze niż oficjalne zakazy. Do nich należy magia ochronna i magia miłosna wchodzące właśnie w zakres „białej magii”, nieszkodzącej ludziom. Metody magii miłosnej stosowane były w kulturach muzułmańskich „od zawsze” i włączały w swój zakres zarówno elementy przed- i pozamuzułmańskie, jak i związane z islamem. Metody te obejmują zarówno fizyczne czynności, jak i magiczne formuły uwzględniające elementy muzułmańskie (to właśnie one najczęściej wywodzą się z islamu – por. np. *at-tibb an-nabawi* – „medycynę prorocką”), a także teksty zrozumiałe tylko dla wąskiej grupy specjalistów od magii. Były to zatem amulety, talizmany (*talsim*), kwadraty magiczne oraz specjalne formuły (*ruqya* – „zamawianie”) i modlitwy, a także ciągi złożone z liter i tajemnych znaków znanych z klasycznych ksiąg magicznych. Wszystkie te elementy znajdujemy w miłosnej magii Tatarów polsko-litewskich. W chamaile Aleksandrowicza, XIX-wiecznym rękopisie przechowywanym obecnie w bibliotece Wydziału Orientalistycznego Uniwersytetu Warszawskiego, występuje 13 przykładów magii miłosnej. Metody te zostały zapisane na s. 102–106 rękopisu. W swoim wystąpieniu dokonam prezentacji tych tekstów transkrybując je z zapisu pismem arabskim i opatrując odpowiednim komentarzem kulturowym i religioznawczym. W procesie badawczym podejmę także próbę znalezienia ewentualnych źródeł i analogii do stosowanych przez Tatarów metod i formuł zarówno w dawnych tekstach arabsko-muzułmańskich, jak i w zwyczajach oraz wierzeniach ludowych Polaków i innych narodów Wielkiego Księstwa Litewskiego.

dr. Marat Gibatdinov (Марат Гибатдинов)

Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук
Республики Татарстан / Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of
Sciences

Татарские общества в Вильнюсе и Варшаве в 1937 г. (по материалам газеты «Милли байрак»)

Tatar Societies in Vilnius and Warsaw in 1937 (according to the Materials of Newspaper “Milli Bayraq”)

В работе представлен материал о деятельности татарских обществ в Вильнюсе и Варшаве в 1937 г. При ее написании авторы ссылаются на публикации татарской газеты «Милли байрак» («Национальное знамя»), которая выпускалась в 1935–1945 гг. в городе Мукден, организатором, главным редактором и идейным вдохновителем которой был известный татарский писатель и общественный деятель Гаяз Исхаки.

С 1920 г. Г. Исхаки находится в эмиграции. В 1927 г. он переехал в Польшу, где основал «Комитет Идель-Урал», вел уроки турецкого языка на восточном факультете Варшавского университета. Г. Исхаки также участвовал в деятельности организации «Прометей». В 1937 г. в Варшаве было проведено торжество, посвященное 40-летию писателя. С польской стороны его поздравляли директор Востоковедческой школы при Восточном институте в Варшаве Ольгерд Гурка, сенатор С. Седлецкий и др.

Одним из авторов статей, посвященных татарам и татарским организациям в Польше в газете «Милли байрак», является *Абдулла Зихни Соисал* (1905–1983), известный крымскотатарский ученый и общественный деятель, после окончания исторического факультета Краковского университета защитивший докторскую диссертацию в Польше. Он вместе с Г. Исхаки принимал активное участие в политической деятельности, в том числе и в работе обществ, организованных крымскими татарами и татарами из Волжско-Уральского региона.

В работе политического клуба «Прометей» участвовали, вместе с представителями Туркестана, Крыма, Украины, Белоруссии, Кубани

и донских казаков, также и татары. В Варшаве выпускался журнал на татарском языке «Милли юл», редактором которого являлся Г. Исхаки. В Польше татарские эмигранты отмечали День памяти – в честь павших защитников Казани от войск Ивана Грозного в 1552 г., проводили другие мероприятия.

assoc. prof. dr. Mykhaylo Yakubovych

Albert-Ludwigs-Universität Freiburg / University of Freiburg

Translating the Qur'an among Polish-Lithuanian Tatars: Historical Tradition or Contemporary Opportunity?

When it comes to the tradition of Qur'anic learning among Polish-Lithuanian Tatars, usually historical data only is approached as the most important point for translation issue. Starting from so-called Minski tafsir of 1686 and finishing with the 19th century interpretations related to the Filomates translation and its impact to Tatar community, it is mostly about interlinear or partial translations (tefsir). Nevertheless, the question appears of how this tradition developed in itself and whether there are any special features could be used for contemporary translations of the Qur'an into the languages of the area. First of all, it is about Polish, Belarusian and Lithuanian language; and, to less extent, Ukrainian and Russian. The study will ask the following research question: how the discussions over Qur'an translatability as well as various exegetical choices made by the Tatar translators/exegetes in the past may be used in modern dealing with Qur'anic text. Not surprisingly, much of the new translations appearing in the Eastern Europe belong to confessional paradigms, be it Salafism, so-called "traditional Islam" (usually, Ashari / Maturidi school is meant) or any new Islamic movements among Turkish cemaats to Ahmadi Muslims. Despite there are some valuable contributions made by such great contemporary Tatars scholars like Ibrahim Kanapacki (his partial translation into Belarusian, mostly from Russian, appeared in "Bayram" journal) and Musa Czachorowski (probably the only member of Polish Lithuanian Tatar community, who also produced his own translation and also from Russian), those interpretation are far from being the most popular in the respective countries. Comparing some the new translations into Polish and Belarusian, the study presents some of the options for the contemporary translators, analyzing all pro-et contras and proposing future lines of research.

assoc. prof. dr. Veneta Yankova (Венета Янкова)

Eötvös Loránd Tudományegyetem / Eötvös Loránd University

Верования в хорошие и плохие дни у татар в Добрудже и у польско-литовских татар

Beliefs in Good and Bad Days among the Tatars in Dobrudja and among the Polish-Lithuanian Tatars

В докладе представлены предварительные заметки о традиционных верованиях и представлениях о хороших и плохих / счастливых и несчастных днях, известных татарам в Добрудже и польско-литовским татарам. Для этой цели анализируются верования, связанные с днями недели (опубликованные в 1969 г. на французском языке Мефкюре Молловой в венгерском издании «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae») и верования о счастливых и несчастных днях из хамаила Александровича, татарская рукопись XIX в. (Dziekan 2016). Они дополнены материалами полевых исследований в Болгарской Добрудже. По своей природе это устные и письменные тексты, имеющие практическое назначение и связанные с популярными гаданиями и прогностическими практиками. Обозначен объем разрешенных или запрещенных действий в определенные дни, а также обоснование этого с помощью событий и личностей из истории ислама в соответствии с тем, что написано в Священном Коране. Они отражают традиционный образ жизни и календарные верования простых людей. Предпринята попытка систематизировать разрешенные / недопустимые виды деятельности в определенные дни, связанные с сельским хозяйством, семьей, свадьбой, родами, путешествиями, болезнью, сновидениями и т. д. Путем их сравнительного анализа выявляются проявления так называемого «народного ислама», связи с общетюркским и всеисламским наследием, очерчивается роль контекстов балканской и балтийской культур.

Предполагается, что то, что сохранилось от верований татар в Добрудже и польско-литовских татар, отражает соотношение между устным и письменным словом: для татар в Добрудже это скорее устная, повседневная версия, в то время у польско-литовских татар виден письменный первоисточник. В перспективе исследования есть возможность искать

следы распространения письменных источников аналогичного характера на Балканах. Также, чтобы выявить универсальные измерения верований в хорошие и плохие дни, поскольку похожие верования известны среди других этнических групп и конфессий.

assoc. prof. dr. Zorina Kanapatskaya (Зорина Канапацкая)

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка /
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

Национально-религиозное возрождение белорусских татар в конце XX – начале XXI вв.

National and Religious Revival of the Belarusian Tatars in the Late 20th – Early 21st Centuries

История татар на землях Беларуси насчитывает более 600 лет и неотделимо связана с исламской религией. В результате длительного проживания в новых условиях, татары утратили родной язык и даже сменили хозяйственный тип деятельности. Единственным фактором, позволившим избежать ассимиляции в окружении значительно более многочисленных этносов, стал ислам. Несмотря на различные социально-политические потрясения, войны, периоды религиозных гонений, татары сумели сохранить религию предков.

Естественным образом возрождение исламской религии в нашей стране, начавшееся в конце 80-х гг. XX в. протекало в тесной взаимосвязи с национально-культурным возрождением татар, составлявших абсолютное большинство мусульман на территории республики, фактически представляя собой единый процесс.

В указанном процессе можно условно выделить 3 основных этапа: с конца 1980-х до 2005 г., с 2006 г. по 2015 г. и с 2016 г. по настоящее время.

У истоков движения национального и религиозного возрождения белорусских татар стояли Исмаил Меметов, Ибрагим Канапацкий, Якуб Якубовский, Абу-Бекир Шабанович, Исмаил Александрович, Али Шагидевич, Магомет Богданович, Мустафа Шабанович, Исмаил Шабанович, Мустафа Радкевич, Али и Юсуф Криницие, Александр Криницкий, Ибрагим Александрович.

В 1989 г. в Минске и Гродно были созданы первые татарские культурно-просветительские общества, которые в августе 1991 г. объединились в Белорусское объединение татар-мусульман «Аль-Китаб» (в январе 2001 г. переименовано в Белорусское общественное объединение та-

тар «Зикр уль-Китаб»), что позволило привлечь к движению возрождения новых активистов, которые в свою очередь привнесли с собой новые идеи и предложения. При этом упор в национальном возрождении был сделан на изучение богатого исторического прошлого предков и их достижений.

Активная деятельность в указанном направлении развернулась в других местах компактного проживания татарской диаспоры. В частности, в 1994 г. в Слониме был проведен международный съезд татар, в котором приняли участие гости из разных уголков Беларуси, а также Англии, США, Польши, России.

Практически одновременно началась работа по возрождению традиционной религии белорусских татар – ислама, которая на первоначальном этапе состояла из изучения арабского алфавита, знакомства с правилами чтения молитв-«намазов», изучения коротких сур Корана.

В 1992 г. были зарегистрированы мусульманские религиозные общины в Минске, Гродно и Новогрудке, в 1993 г. в Ивье. Всего до 1994 г. было официально зарегистрировано 11 мусульманских общин. В 1994 г. в Минске состоялся I съезд мусульман Беларуси, результатом которого стало создание Республиканского религиозного объединения «Мусульманское религиозное объединение в Республике Беларусь». Первым председателем (муфтием) религиозного объединения был избран уроженец г. Клецка И.М. Александрович.

prof. dr. Mukhiddin Khayruddinov (Мухиддин Хайруддинов)

Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования / Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education

Исмаил Гаспринский – выдающийся крымскотатарский педагог и просветитель

Ismail Gasprinsky – an Outstanding Crimean Tatar Teacher and Educator

Исмаил Мустафа оглы Гаспринский (крымскотат. İsmail Mustafa oğlu Gasprinskiy (Gaspıralı), Исмаил Гаспринский (Гаспыралы); 8 (21) марта, 1851 – 11 (24) сентября 1914) – крымскотатарский интеллектуал, просветитель, издатель и политик, получивший широкую известность не только в России, но и в мире.

Аккумулируя достижения передовой педагогической практики Европы, И. Гаспринский выступил в качестве выразителя необходимости социально-экономических перемен в странах Востока. Феномен И. Гаспринского не случаен. Исмаил-бей Гаспринский явился символом, генератором, источником новых идей и новой философской концепции, основанной на ненасилии в глобальном масштабе, на безоговорочном славяно-восточном согласии, на принципах самоорганизации общества, органически присущих мусульманству.

И. Гаспринский выступал за синтез мусульманского вероучения и достижений современной науки, создал и возглавил джадидистское педагогическое движение, направленное на переход от конфессионального и российского гражданского образования к созданию национального – светского образования.

В педагогике И. Гаспринский был сторонником нового метода в обучении: «усуль аль-джадид». По сути дела, это был уход от механического заучивания текстов к их пониманию и осмыслению, изучению первоисточников.

И. Гаспринский был одним из последних представителей ученых-энциклопедистов. Круг его интересов был чрезвычайно широк. С

10 апреля 1883 г. он издавал первую российскую тюрко-славянскую газету «Переводчикъ-Терджиманъ». Она долгое время была единственным тюркоязычным периодическим изданием в России, а с началом XX в. старейшей мусульманской газетой в мире. Газета просуществовала почти 35 лет и была закрыта 23 февраля 1918 г.

Всю жизнь защищавший интересы крымских татар, мусульман и обществ, живущих в условиях колониального рабства, Гаспринский был одним из выдающихся мыслителей тюркского мира. ЮНЕСКО объявил 2014-й год годом Исмаила Гаспринского за его вклад в образование и философию.

Современный интерес к И. Гаспринскому вызван все более *разворачивающейся* глобализацией и формированием эколого-гуманистической цивилизации, как новой формы сохранения культурного разнообразия во всей его целостности.

PhD student Gulnara Khayrullina (Гульнара Хайруллина)

Международен Център за културни и научни дейности / International Research Centre

Musical Instruments of the Turkic Peoples of the Volga Region and Urals

National musical instruments are part of the culture and history of the people. They reflect the characteristics, temperament and mentality of the people, the conditions for their formation as an ethnos. Variety, rich sound, unusual melody pattern – all this is created by national musical instruments. Every ancient musical culture has its origins in ancient rites. Folk music of the Turkic peoples of the Volga region and the Urals was no exception. Singing was accompanied by pagan and mystical sacraments, holidays, household and daily rituals such as hunting, harvesting and much more, including military campaigns.

The sound of folk instruments has a specific musical pattern and voice that distinguishes the musical instruments of the Turkic peoples from other ethnic groups that have settled since ancient times in the Urals and the Volga region. This is due to the fact that the Tatars and Bashkirs have always preferred melodic musical instruments that allow performing a branched, rich melody in a wide range. Although the list of musical instruments has about fifty varieties, this article analyzes the most characteristic and ancient ones.

It is impossible to limit the culture of making music only to musical instruments. After all, the Turkic peoples know how to use the possibilities of the human voice in music. During the performance of traditional melodies, masters of various vocal techniques are able to so skillfully weave their voice into the pattern of the melody that the listener is literally hypnotized, not immediately realizing that this alien sound is created by a human voice. Tatar and Bashkir ethnic music is melodic, but at the same time difficult both to perform and to listen to. For a complete and deep acquaintance with it, one must be open to ancient knowledge and be wise enough to accept it.

prof. dr. Libertas Klimka

Astronomas ir geodezininkas Antonas Šahinas (1799–1842)

Astronomer and Surveyor Anton Shahin (1799–1842)

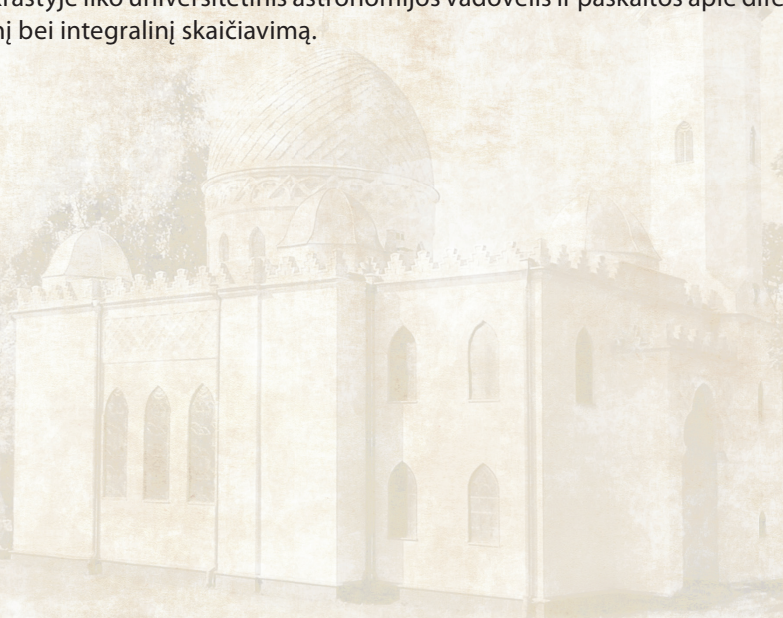
Mokslo istorijoje Antono Šahino pavardė žinoma kaip gerų taikomųjų mokslų srities vadovėlių autoriaus. 1829 m. lenkų kalba parašyti „Aukštoji geodezija“ ir „Matininkystė ir niveliacija“ atliepė tuometiniam inžinerinių darbų ir instrumentų pasaulinės raidos lygmeniui, buvo be konkurencijos geriausi Rytų Europoje. Inžinerinės disciplinos Vilniaus imperatoriškajame universitete buvo plėtojamos dar Edukacinės komisijos nubrėžtomis gairėmis. A. Šahino plunksnai priklauso ir visa eilė straipsnių apie mokslo naujoves, publikuotų leidinyje „Dziennik Wileński“. Jis rašė apie laiką ir astronominius laikrodžius, Žemės formos nustatymo metodus, numatomus Saulės užtemimus, pasirodžiusias naujas kometas, gyvybės galimybę kituose dangaus kūnuose.

Rusijos centriniame valstybiniame istoriniame archyve Sankt-Peterburge saugomas mokslininko formuliaras – tarnybos lapas bei keletas kitų jo asmenybę liečiančių dokumentų (f. 733, ap. 62, b. 1110). Jų duomenys leidžia patikslinti kai kurias jo gyvenimo ir veiklos datas. A. Šahinas gimė Vilniuje, mokėsi Vilniaus gimnazijoje. Tikėtina, kad giminystės ryšiai jį tiesiogiai sieja su Vilniaus totorių poetu Francišeku Šahinu Sokolu.

1815 m. birželio 28 d. gabus jaunuolis filosofijos kandidato laipsniu baigė Vilniaus universiteto mokytojų institutą. 1816 m. gruodžio 27 d. jam suteiktas ir filosofijos magistro laipsnis. Nuo 1817 m. rugsėjo 1 d. A. Šahinas buvo įdarbintas Vilniaus universiteto astronomijos observatorijoje padėjėju, mokant 400 sidabro rublių atlyginimą. Jis atlikdavo astronominius stebėjimus; skaitė taip pat ir astronomijos paskaitas universiteto Fizikos ir matematikos skyriuje, pavauduodamas 1821–1822 m. išvykusį į užsienį observatorijos direktorių Petrą Slavinskį. Nuo 1824 m. spalio 1 d. studijuojantiems tiksliuosius mokslus A. Šahinas nepertraukiamai dėstė geodeziją, topografiją ir niveliaciją. Šioms inžinerinėms disciplinoms būdavo skiriama po tris valandas per savaitę, o vasarą – po šešias valandas. Taigi galima manyti, kad būta ir praktinių lauko užsiėmimų. A. Šahino žinioje buvo neblogas geodezijos prietaisų kabinetas. Keturi pagrindiniai ka-

bineto prietaisai su achromatine optika pagaminti garsiojoje Reichenbacho ir Ertelio firmoje Miunchene.

Vilniaus universitetą uždarius, A. Šahinas prašėsi paskiriamas į Sankt-Peterburgo universitetą. Prisipažino blogai mokąs rusų kalbą, bet galės dėstyti prancūziškai, kol per metus išmoks. Tačiau ten nesuradus etato, sutiko dirbti matematikos mokytoju Vitebsko gimnazijoje. Rūpinosi iš Vilniaus universiteto į gimnaziją išsiunčiamu mechanikos modelių rinkiniu. 1834 m. buvo pakviestas į Charkovo universitetą dėstyti naujai ten steigiamus kursus – astronomiją ir geodeziją. Netrukus tapęs profesoriumi ir Astronomijos katedros vedėju, A. Šahinas labai stengėsi įsteigti vilniškės pavyzdžiu nuolat veikiančią observatoriją. Palaikydavo dalykinius ryšius su Vilniaus astronomais; sudarė ir išleido Charkovo universiteto astronomijos instrumentų katalogą. Gyvenimą mokslininkas baigė 1842 m. lapkričio 18 d. savižudybe dėl kažkokių tarnybinių nemalonumų. Rankraštyje liko universitetinis astronomijos vadovėlis ir paskaitos apie diferencialinį bei integralinį skaičiavimą.

prof. dr hab. Izabela Kończak

Uniwersytet Łódzki / University of Lodz

Проблема хиджаба в осмыслении Касима Амина и Мусы Бигиева

The Problem of the Hijab in the Mind of Qasim Amin and Musa Bigiev

В западном мире хиджаб рассматривается как особая форма угнетения женщин, которые, хотя и скрытно, но все равно полностью контролируются мужчинами. В связи с этим интересно обратиться к источникам и посмотреть, что сами мусульмане думали о хиджабе, как они интерпретировали источники мусульманского права, то есть коранические стихи и хадисы, касающиеся этого вопроса, для обоснования необходимости ношения этой одежды. Первым мусульманином, публично высказавшимся по этому вопросу, был Касим Амин (1863–1908) – египетский юрист, известный также как «женский глашатай», автор книги «Тахрир аль-Мар’а» (Освобождение женщин, 1899). Вторым человеком, высказавшимся по этому вопросу, был Муса Бигиев (1873–1949) – татарский мыслитель, теолог и политический деятель, автор труда «Женщина в свете священных аятов благородного Корана» (1933).

Используя сравнительный метод для анализа содержания обоих исходных текстов, попытаемся ответить на вопрос, на сколько взгляды на изоляцию женщин в арабо-мусульманском мире претерпели какие-либо изменения с течением времени. Между этими работами, которые будут предметом анализа, разница во времени – более тридцати лет, в течение которых в арабо-мусульманском мире произошли значительные социально-политические изменения. Представляется интересным ответить на вопрос, учитывал ли, особенно второй автор, эти изменения в своей книге, повлияла ли меняющаяся реальность на его взгляды, касающиеся хиджаба. Автор доклада к тому же постарается ответить на следующие вопросы: являются ли воззрения Бигиева действительно прогрессивными, как это считают многие исследователи; насколько мнения Бигиева совпадают с суждениями Касима Амина о необходимости предоставления прав

женщинам; учел ли Муса Бигиев социально-политические изменения, произошедшие в то время, например, в Турции; повлияла ли изменяющаяся реальность на его взгляды в отношении сокрытия мусульманских женщин.

dr Artur Konopacki

Uniwersytet w Białymstoku / University of Bialystok

Muzułmanie w Warszawie w II połowie XIX wieku w świetle materiału metrykalnego

Muslims in Warsaw in the 19th Century in the Light of the Metrics

Spółeczność muzułmańska na ziemiach Rzeczypospolitej funkcjonuje od końca XIV wieku. Do tej pory w polskiej historiografii temat życia i funkcjonowania grupy na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego w aspekcie życia religijnego, wojskowego czy nawet życia w miastach został już dość dobrze rozpoznany, mało natomiast cały czas wiemy o jej życiu w Królestwie Polskim, szczególnie w XIX wieku. Jest to o tyle ciekawe, że właśnie w tym okresie pojawili się na ziemiach Królestwa Polskiego muzułmanie nie należący do autochtonicznej grupy Tatarów. Byli to żołnierze carskiej armii, kupcy. Celem wystąpienia będzie zaprezentowanie nieznanego i niepublikowanego zasobu metrykalnego ksiąg muzułmańskich dla m. Warszawy z drugiej połowy XIX wieku. Omówiona zostanie jego wartość źródłowa dla poszerzenia wiedzy o tej społeczności w Królestwie Polskim. Zasadniczo muzułmanów w Warszawie podzielić możemy na grupę Tatarów z ziem dawnego Wielkiego Księstwa Litewskiego i grupę muzułmanów żołnierzy z Imperium Rosyjskiego stacjonujących w Warszawie. Zachowane metryki należące do imama Warszawskiego Wojennego Okręgu stanowić będą materiał źródłowy do analizy funkcjonowania muzułmanów w Warszawie w II połowie XIX wieku. Zachowany materiał metrykalny jest doskonałym źródłem do analizy społeczności muzułmańskiej, bo wytworzony został przez nich samych. Metryki urodzeń, ślubów czy zgonów są doskonałym materiałem nie tylko demograficznym. Zawarte tam informacje pokazują np. w jakich rejonach miasta występowało zagęszczenie społeczności muzułmańskiej, skąd pochodzili czy wchodzili w relacje z miejscową ludnością (nie tylko tatarską). Prezentowane wystąpienie będzie również miało na celu zarysowanie problemów badawczych związanych z wykorzystywaniem metryk muzułmańskich do badań nad tą grupą i nad charakterystyką materiału źródłowego.

prof. habil. dr. Alla Kozhinowa (Алла Кожинава)

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт / *Belarusian State University*

Восточнославянские элементы первого славянского перевода Корана XVI в.

East Slavic Elements of the First Slavic Translation of the Quran of the 16th Century

The report is devoted to the study of the East Slavic influence on the language of the first (and thus the oldest) translation of the Quran into a Slavic (Polish / Belarusian) language, that is the tafsir of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania dating back to the second half of the 16th century. The work was carried out within the framework of the Tafsir project (a project of philological and historical study, criticism, and publication of so-called tafsir of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania). The conducted research allows us to make several preliminary assumptions about the nature of the East Slavic elements of the text under consideration.

1) East Slavic elements in the text of the translation are few in number, which makes it possible to define the target language as Polish.

2) Words that can be qualified as Belarusian cannot be unambiguously localized in any region on the territory of Belarus. Thus, the lexeme *żnenacka* is found both in the south (see “Turaŭski sloŭnik”) and in the northwest (see “Sloŭnik bielaruskich havorak paŭnočna-zachodniaj Bielarusi i jaje pahraničča”). For the word *rozyнки / rozinki* “Histaryčny sloŭnik bielaruskaj movy” gives a large number of examples from monuments created in different regions, but dialect dictionaries do not attest them at all. Based on this, it can be assumed that the creator of the translation was not a native speaker of a certain Belarusian dialect, but could hear dialect speech.

There are a number of words that are recorded in the historical dictionary (“Histaryčny sloŭnik bielaruskaj movy”), but their counterparts are found not in Belarusian dialects, but in dictionaries representing the Church Slavonic language: “Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.”, “Slovar’ Akademii Rossiyskoy”. These are such units as, for example, *oploŭštenstvo*, *halavnyja*, *kajata*, etc. In some cases, the vocabulary may represent obvious characteristics of the Church Sla-

vonian language, cf. *prizirat'*, *bremennaya*, *hram* composites *lexkoserdnij*, *zlowjere* and others. The word *strogost'* (containing the epenthetic *t*) is noteworthy. Belarusian dialects represent the corresponding adjective (*strogi*), but the abstract noun is recorded only in "Slovar' Akademii Rossiyskoy", cf. one more noun *zeleność* formed from the adjective, also a deverbative *paxane* (<*paxat'*), etc. Based on this, it can be assumed that the author of the translation was familiar with the Church Slavonic language, while knowledge of it could be acquired by reading Christian literature.

dr. Lina Leparskienė

Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas / The Institute of Lithuanian Literature and Folklore

Vokės upė: Lietuvos totorių istorinės atminties ir asmeninių patirčių erdvė

The Vokė River as Realm of Memory and Space of Personal Experiences of the Lithuanian Tatars

Kairysis Neries intakas Vokė yra vienas vietovardžių, kuris pirmiausiai minimas rašytiniuose šaltiniuose ir literatūroje apie totorių įkurdinimą Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje (LDK). XIV a. pabaigoje ties šia upė ėjo rytinė Trakų kunigaikštystės riba, keičiantis valstybės administracinei teritorinei sistemai, ta riba išlaikė savo reikšmę, upė dalino Vilniaus ir Trakų vaivadijas, vėliau pavietus, dekanatus. Totorių įkurdinimo LDK politiniai motyvai buvo neatsiejami nuo karinių, todėl gyvenviečių atsiradimas paribyje-pasienyje tarp dviejų svarbių administracinių teritorijų vertintinas kaip LDK valdovų strateginio gynybos plano dalis. Aprašydami totoriškas Vokės gyvenvietes XX a. pirmos pusės totorių kilmės tyrinėtojai Vokės totorių gyvenvietes apibūdino kaip esančias „tarp Vilniaus ir Trakų“. Taigi, *krašto, paribio, pereinamos teritorijos* semantika yra neatsiejama Vokės kultūrinio kraštovaizdžio tapatumo dalis ne tik dėl istorinių reikšmių, bet ir dėl geografinių ypatybių. Vis dėlto kelis šimtmečius trunkantis totorių gyvenimas prie šios upės sukūrė čia *etnokonfesinę kultūrinę erdvę*, per kurį galima pasakoti apie visą totorių gyvenimo Lietuvoje laiką: karines misijas, politines teises, religiją, istorinę savivoką, kalbą, santykius su kaimynais kitataučiais, ūkines veiklas. Dėl Vilniaus ar Grigiškių miestų urbanistinės plėtros, religinių objektų naikinimo XX a. pusėje totoriški ženklai šioje erdvėje gerokai apnyko, tačiau liko išraiškingi tiurkiški gyvenviečių pavadinimai ir vietos totoriai, kurių pasakojimai yra reikšmingas šaltinis tiriant Vokės kultūrinį kraštovaizdį, kaip totorišką erdvę.

Keturiasdešimt Totorių kaimas yra pagrindinė totorių gyvenvietė prie Vokės. Abiejų tautų Respublikos laikais tai buvo vienas didžiausių totorkaimių Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje, tačiau palei visą 36 km ilgio upę būtų gerokai didesnių ir mažesnių totorių gyvenviečių, sodybų ar dvarų. Kiekvienos

jų istorija, pavadinimo kilmė atspindėjo socialinę aptariamą tautos bendruomenės sąrangą, vidinę hierarchiją, žemėvaldą: tai Merešlėnai, Kaišalakai, Melechovičiai, Kozaklarai, Afindėvičiai, Prūdėnai (Liudvinavas). Jų istorija bei esama būklė šiek tiek nagrinėta XX a. pradžios darbuose, tai suteikia galimybę atlikti lyginamąją analizę su šių dienų realijomis. XX a. antroje pusėje, totoriai ėmė keltis į miestus, šalia išaugusias Pagirių ar Vaidotų gyvenvietes, Afindėvičius prarijo Grigiškių miestas. Merešlėnai nušluoti nuo žemės, o buvusią mečetės ir kapinių vietą žymi kryžius, Melekovičiai ir Kozaklarai dar išlaikė tradicinio kaimo struktūrą, tačiau totorių ten nebegyvena, o Kaišalakius ar kitas šiuolaikiniuose žemėlapiuose nenurodytas vietas be vedlio sunkiai rastum. Pranešime totoriška Vokės erdvė bus atkurama pasitelkus totorių kilmės vietos vedlius, jų žinias apie išvardintas gyvenvietes bei kitas vietas. Pvz., prie Vokės žiočių egzistavusiame Afindėvičių kaime gimęs ir šiuo metu Grigiškėse gyvenantis totorius pavarde Melechas savo asmeniniu gyvenimu bei giminės istorija susieja upės ištakose esantį Melekonių, Prūdėnų bei Keturiasdešimt Totorių kaimus. Unikalioms atminties Fatima iš Keturiasdešimt Totorių kaimo atkuria įvairių šeimų istorijas, išnykusių vietų ir papročių bei apeigų paveikslus. Vokės totoriai bendrauja lenkiškai, gudiškai, rusiškai, atitinkamai tardami ir vietovių pavadinimus. Ši aplinkybė svarbi nagrinėjant Vokės kultūrinio kraštovaizdžio ypatybes, lokalinę ir regioninę totorių savivoką.

prof. dr. Alena Liubaya (Алена Любая)

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы / National Institute for Higher Education

Верификация ревизии Яна Кердея 1631 г. по материалам земских судов второй половины XVI в. (на примере книг Гродненского и Слонимского земских судов)

Verification of the Jan Kierdej's Revision (1631) by the Land Courts Books from the Second Half of the 16th Century (Casus of the Grodno and Slonim Land Courts)

A book of Jan Kierdej's audit (conducted in 1631) is the most significant source on the social and economic history of the Tatar minority in the Grand Duchy of Lithuania. In fact, it includes not one but two revisions. Duke Maciej Oginski conducted the first one in 1559. His report was stored at the Grand Duchy of Lithuania archive, but the materials were lost before 1625–1629. However, Jan Kierdej copied in detail a draft of the Maciej Oginski's audit book from Oginski family's archive and included this information into his audit book. Thanks to such unexpected chance, we have an opportunity to trace the changes that had taken place with Tatar landholding during seventy years from 1559 to 1631. Nevertheless, sometimes landowners changed so often and illegal deals were so confusing, that even neighbours could not explain what had happened. To mine mind, the best solution in this situation is a screening of the Land Courts books. Jan Kierdej suggested that way himself. During audit in Oshmyany region, he was verifying landowners' statements about land deals by Oshmyany Land Courts books. He had possibility to make checking, because he had access to region archive as an Oshmyany scribe. Unfortunately, Oshmyany Land Courts books burned in a fire at the beginning of 19th century. So, we cannot step on his way and on his footsteps, but we can use other Land Courts books from the state castles, near which Tatar landholders lived, for example Grodno, Slonim, Novogrudok and so on. Taking into account a historical context they survived better. In my paper, I shall present a checking

result of more than thirty Land Courts books from Grodno and Slonim on accordance their materials to Oginski and Kierdej audits. Such additional sources as sales contracts, oath documents, testaments and legal complaints help us in detail understand a process of Tatar landholding parceling and transfer them to local gentry.

doc. dr. Galina Miškinienė

Lietuvių kalbos institutas / Institute of the Lithuanian Language

Likimo spėjimas (fal) iš Chalilio Juzefovičiaus tefsiro (XIX a.)

Fal – Fortune Telling from Chalil Juzefovich's Tefsir (19th Century)

XX–XXI a. sandūroje totoristikos tyrėjai vis daugiau dėmesio skiria Lietuvos totorių rankraštiniam palikimui. Nuo 1997 m. iki 2020 m. išleisti septyni Lietuvos totorių rankraščių katalogai. Kataloguose aprašomi įvairių šalių valstybinėse institucijose, muziejuose, archyvuose, taip pat ir privačiose kolekcijose saugomi Lietuvos totorių rankraščiai. Didžiausios rankraščių kolekcijos yra saugomos Baltarusijoje ir Lietuvoje. Tokių katalogų atsiradimas tampa puikiu pagrindu tolesnėms lyginamosioms studijoms.

2020 m. autorei pavyko susipažinti su nauju rankraščių rinkiniu, saugomu privačioje kolekcijoje. Darbo metu buvo peržiūrėta ir išanalizuota trylika rankraštinų knygų ir vienas dalavaras. Visi paminklai puikiai reprezentuoja Lietuvos totorių rankraštinio palikimo pagrindinius žanrus – *kitabus*, *pusiau kitabus*, *chamailus*, *tefsirus*, *dalavarus*. Rankraščiai datuojami XIX a. pab. – XX a. pr. Penki rankraščiai iš šio rinkinio buvo pristatyti straipsnyje „Lietuvos totorių arabiškais rašmenimis rašyti rankraščiai iš privačios kolekcijos: nauji atradimai“ (2020 m.). Kol kas publikuotame straipsnyje buvo aprašytas tik vieno rankraščio turinys. Pradedant nuo Lietuvos totorių arabiškais rašmenimis rašytų rankraščių katalogo (2005 m.), kuriame sudarytos atkreipė dėmesį į rankraščių turinį, tokiais pačiais principais (atskleidžiant rankraščio turinį) buvo išleisti ir kiti katalogai (2011 m., 2015 m., 2020 m.). Mokslininkams atsivėrė galimybė imtis tekstologinės analizės.

Rankraščiuose esanti folklorinė medžiaga sudaro kerėjimų, gydymųjų burtų ir apsaugančiųjų apeigų sistemą, kuri buvo populiari ne tik musulmonų bendruomenėje, bet ir tarp krikščionių bei judėjų. Ši sistema glaudžiai susijusi su tikėjimais ir prietarais, kurių ištakų esama tiurkų perimtoje visuotinėje musulmonų kultūroje. Ypač *kitabuose* ir *chamailuose* apstu astrologinių, kalendorinių ir burtų tekstų. Tekstai apie palankias ir nepalankias dienas, sapnininkai ir

falai (likimo spėjimas) atkreipia mokslininkų dėmesį.

Šiame pranešime pristatysime falo tekstą, kurį aptikome XIX a. Chalilio Juzefovičiaus rašytame tefsire.

Siarhiej Miskiewicz (Сергей Мискевич)

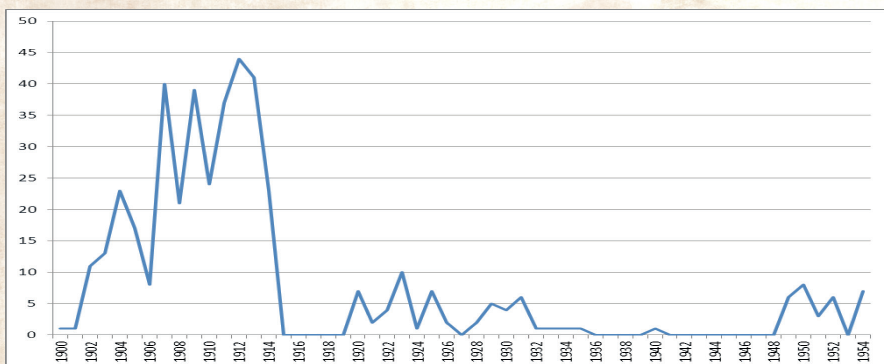
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт / *Belarusian State University*

Татары Великого княжества Литовского в Америке

Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in America

К концу XIX в. татары, проживавшие на территории Российской империи, стали активно осваивать новые для себя сферы деятельности и переезжать в поисках лучшей жизни. Кроме внутренней миграции в крупные города, такие как Москва, Санкт-Петербург, Минск, Вильнюс и т. д., татары начинали выезжать на Запад, в том числе и в страны Американских материков. Это – Аргентина, Бразилия, Канада и в первую очередь Соединенные Штаты Америки (США).

Путём анализа анкет пассажиров, прибывших в США, удалось выявить более 430 татар. Сначала пунктом прибытия был Castle Garden, затем – Ellis Island, через который прошло более 99% переселенцев. Их родными поселениями в Российской империи были (в порядке убывания): Ивье, Новогрудок, Некрашунцы, Тавсюны, Делятичи, Смиловичи, Мир, Клецк, Бутрыманцы, Минск, Ляховичи, Крево, Каунас, Узда, Милькуны, Орда, Слоним, Крушиняны, Свислочь, Видзы, Поставы, Зарубин, Селец и др. Это в основном представители фамилий Шабанович, Рафалович, Радкевич, Лебедь, Рызванович, Александрович, Богданович, Смольский, Якубовский, Сафаревич, Асанович, Абрамович, Муха, Полторжицкий, Щенснович, Щуцкий, Шункевич, Корицкий, Халецкий и др.

Распределение эмигрантов в США по годам.

Основная эмиграция приходится на период до Первой мировой войны, а наибольшее количество (44 человека) прибыло в 1912 г. В этот период шёл активный двусторонний обмен населением, поскольку многие возвращались назад к семьям. В межвоенный период выезжали только из Польши и Литвы, а в послевоенный – из стран Европы, куда попали во время Второй мировой или по репатриации в Польшу.

Татары Великого княжества Литовского (ВКЛ) основали в США первую мусульманскую организацию в 1907 г., а через пару десятилетий приобрели здания для мечети и дома имама. Ежегодно проводили балы и пикники, раз в квартал проводили общие собрания, обучали детей основам Ислама. Также татары заложили мизар на территории общегородского кладбища Maple Grove, а затем и второй мизар на Cedar Grove. Посильно помогали своим родственникам в Польше и СССР, принимали участие в общественной, спортивной и политической жизни Америки, в том числе и военных действиях на стороне США в Первой мировой, Второй мировой, Корейской, Вьетнамской и других войнах.

В настоящей работе будут представлены результаты исследований анкет пассажиров, протоколов собраний общины, метрических документов, призывных повесток, устного опроса потомков и т. п.

prof. dr. Jonas Mardosa

Kailių išdirbimas Raižiuose XX a.: amatas ir įvaizdis

Fur Processing in Raižiai in the 20th Century: Craft and Image

Remiantis archyviniais duomenimis bei etnologine literatūra pranešime nagrinėjamas kailių išdirbimo amatas Raižiuose ir apylinkėse. Raižių totorių bendruomenėje kailių išdirbimu užsiėmė keletas meistrų. Tiesioginiais ryšiais amatininkai buvo susiję su kailiadirbyste Butrimonyse, taip pat iš Raižių kailiadirbiai buvo pasklidę po apylinkių kaimus bei miestelius. Tokiu būdu galima kalbėti apie kailiadirbystės amato arealą, kurio centras buvo Raižiai. Pranešime nagrinėjamas amato perdavimo formos tarp kartų ir jų kaita laike. Pagrindinis dėmesys skiriamas kailių išdirbimui, pradedant žaliavos paruošimu rauginimui ir baigiant galutiniu raugintų kailių apdorojimu: kailių minkštinimu bei raugintų duoniniu būdu dažymu. Raižių totoriai tiriamame laikotarpyje prisilaikė svarbiausių kailių išdirbimo būdų: iš ruginių miltų padarytu raugu, vadinamo *duoninio* ir iš žievių *dubiško* rauginimo. Aptariama rauginimo eiga, darbe naudojami rykai, veiklos pasiskirstymas šeimoje tarp jos narių. Etnografinių lauko tyrimų duomenų analizė parodė, kad ilgaamžė vertikali liaudiškoji žinijos perdavimo kryptis užtikrino totorių šeimose kailiadirbių verslo tradicijos gyvybingumą. Tik Nepriklausomoje Lietuvoje totorių verslą pradeda įtakoti Lietuvos amatininkystę skatinantys kursai, ateinančios į prekybą naujos medžiagos, iš miesto įmonių plintantys nauji kailių išdirbimo būdai ir priemonės. Tačiau technologinių permainų perspektyvoje Raižių totoriai pasižymėjo tradicinių metodų prioriteto išsaugojimu, kurie užsakovų akyse išlaikė darbų kokybės vertės supratimą ir amato paklausą.

Totorių kaip kailiadirbių įvaizdžio atsiradimas ir egzistavimas yra unikalus fenomenas. Kailių išdirbimas buvo dalies totorių verslas, tačiau per ilgaamžę istoriją puoselėtas amatas natūraliai formavo totorių kaip išskirtinių šios srities meistrų įvaizdį. Tam pasitarnavo dėl Lietuvos klimatinėms sąlygoms kilęs kailių poreikis valstiečių drabužiams, todėl žmonės ieškojo gerai atliekančių darbą amatininkų. Kailiadirbių profesionalumas, tradicinių kailių išdirbimo metodų naudojimas, palaikė aukštą totorių meistriškumo lygio vertinimą visuomenėje. Netgi pokyčiai ikisovietinės Lietuvos amatininkystėje ir valstybės siekis plės-

ti amatininkų sluoksni, kuris didino vidinę amatininkų konkurenciją, nesumažino totorių kailiadirbių autoriteto. Medžiagos analizė leidžia teigti, kad dėl ideologinių aplinkybių amatai žlugdyti pradėjęs sovietmetis bei modernėjančios visuomenės poreikių veiklos krypčių kaita, ardė visuomenės gyvenimo būdą, todėl šimtametę istoriją turėjęs amatas natūraliai užgėso XX a. pabaigoje ir liko tautinės bei kultūrinės atminties tema.

assoc. prof. dr. Dina Mustafina (Дина Мустафина)

Казанский (Приволжский) федеральный университет / Kazan (Volga region) Federal University

Первый исследователь исторического языка польско-литовских татар Э.Р. Тенишев: штрихи к биографии

The First Researcher of the Historical Language of the Polish-Lithuanian Tatars E.R. Tenishev: Strokes to a Biography

Известный тюрколог Эдхам Рахимович Тенишев первым обратился к постановке вопроса об историческом, т. е. разговорном языке литовско-польско-белорусских татар. В результате изысканий он сделал ряд наблюдений. В частности, об использовании этой этнической группой в XV–XVI вв. особого «татарского» языка, об угасании коммуникативной функции последнего к концу XVI в. и переходе татар на литовский, польский, белорусский языки в зависимости от места проживания. Побуждаемые желанием, с одной стороны, воздать дань уважения ученому, внесшему существенный вклад в реконструкцию региональных тюркских праязыков и в изучение истории и культуры польско-литовских татар. С другой стороны, стремлением выяснить, сохранились ли в его архиве рукописи, в которых эта проблема нашла продолжение, мы обратились в Отдел рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Татарстан. Дело в том, что после его ухода из жизни вдова ученого Елена Александровна, согласно завещанию мужа, передала существенную часть его книг и рукописи в указанное древлехранилище Казани. Подтверждением широты кругозора и глубины представления ученым особенностей древних тюркских языков в контексте их принадлежности к центральноазиатскому языковому союзу, их функционирования и использования в этнических группах разного времени служит собранная им коллекция книг, увидевших свет в период с 1814 по 2002 год. Это почти 3 млн. единиц на китайском, иранском, финно-угорском, монгольском, маньчжуро-тунгусском, арабском, русском, романо-германских и тюркских языках. Особый ин-

терес представляют более 440 писем, адресованных ему коллегами-тюркологами на русском, немецком, турецком, уйгурском, английском и др. языках. К сожалению, в составе этой коллекции нам не удалось выявить неопубликованные рукописи самого ученого, а также манускрипты, имеющие отношение к польско-литовским татарам, или созданные ими. Очевидно, на данном этапе придется согласиться с утвердившимся в науке мнением об отсутствии рукописных памятников польско-литовских татар старше XVII в. и о неимении у них традиции составления исторических или хронологических текстов и ограничиться реализацией первой из поставленных нами задач. Мы отказались от традиционного изложения биографии ученого и предприняли попытку проследить корни семейного древа Тенишевых на основе доступных нам источников, отложившихся в фондах библиотеки Казанского университета.

dr. Yaroslav Pylypchuk (Ярослав Пилипчук)

Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова /
National Pedagogical University named after M. P. Dragomanov

Татары в Великом княжестве Литовском в XIV–XVI вв.

Tatars in the Grand Duchy of Lithuania in the 14th–16th Centuries

Данная статья посвящена истории татар в Великом княжестве Литовском в XIV–XVI вв. Поступая на службу к великому князю литовскому татары могли сохранять свою религиозную и этническую идентичность. Принятие христианства и ассимиляция среди местного населения зависела от личного выбора конкретного аристократа. Глинские, Яголтай и другие шляхетские роды достаточно быстро ассимилировались среди славян. Поселившись в Великом княжестве Литовском Глинские и Яголтай буквально в следующем после переселения поколении переходили в христианство. Татары куда охотнее принимали православие, чем католичество. Глинские и другие знатные татары, невзирая на свое православное вероисповедание, продолжали восприниматься татарами как свои люди. Сохранение ислама было возможно только в местах компактного проживания – Литве, Волыни и Черной Руси. Служивые татары и татары-муртады (мусульмане-вероотступники как Глинские) несли военную службу, были послами и переводчиками. Вопрос о времени существования и дате основания Яголтаевщины как отдельного владения остается открытым. Неясно также, как образовался этот улус, и не предоставил ли его великий князь литовский татарскому аристократу. Во всяком случае, это было возможно при условии доминирования Великого княжества Литовского над татарами, что было возможно не ранее 20-х и не позднее 60-х гг. XV в. Предоставление Глинским владений вблизи Ворсклы произошло уже при Витовте-Александре. Вопрос, когда это произошло. Более вероятно, что земли были предоставлены Глинским уже в конце правления Витовта, поскольку существование княжества Глинского на Полтавщине в эпоху, когда в Золотой Орде был силен Идегей было вряд ли возможно, так как при первом удобном случае улус Глинских был бы угнан в степь этим

беклерибеком. Татары в Великом княжестве Литовском играли важную роль в охране границы. Толмачей из татар и беков татар отправляли в важные миссии для установления дипломатических отношений с сильными тюркскими государствами. Муртады (отступники от ислама) Глинские играли важную роль в защите украинской границы от набегов крымцев. Представители этого рода отправлялись в дипломатические миссии в Большую Орду. Правители Большой Орды и Крымского ханства не считали чем-то постыдным писать муртаду и провинциальному князю. Принятие же христианства открывало широкие карьерные перспективы. Однако многие татары, получавшие земли в Великом княжестве Литовском довольно быстро утрачивали этническую и религиозную идентичность.

prof. dr. Egdūnas Račius

Vytauto Didžiojo universitetas / Vytautas Magnus University

Awareness and Image of Tatars among Expatriate and Convert Muslims in Lithuania

Though Lithuania may claim to be among the European lands in which uninterrupted Muslim presence, in the person of Tatars, spans for over more than a half of millennium, its autochthonous Muslim population is hardly known to its own wider society. This is not surprising – the Tatars are the fastest shrinking ethnic community in Lithuania and only half of ethnic Tatars in Lithuania consider themselves Muslim. Furthermore, as the overwhelming majority of Tatars are highly secularized (often to the point of being post-religious) there are hardly any public signs of their religiosity.

If the non-Muslim population of the country may altogether disregard the presence of Muslim Tatars in their midst, the expatriate and convert Muslims inescapably have to deal with them. And not least because all Muslim religious infrastructure in the country is owned by Tatars and all major Muslim religious organizations are headed by them and they receive all the attention from the State's side. The worldview and lifestyle (or what stands now in the place of hitherto religiosity) of Tatars is at a variance, to say the least, with those espoused by expatriate and convert Muslims. This may lead to potential tensions and disagreements over how the Muslim communities in the country are to practice their religion and lead their lives.

The proposed paper will explore not only the level of awareness and image of Tatars among expatriate and convert Muslims in Lithuania but will also seek to reveal the dynamics in the relations among these three segments of the Muslim population in Lithuania. It will identify points of contention, divergence and disagreement but also of respect and cooperation in these relations. The analysis will be based on material gathered through interviews, focus groups and a questionnaire.

prof. dr. Alfina Sibgatullina (Альфина Сибгатуллина)

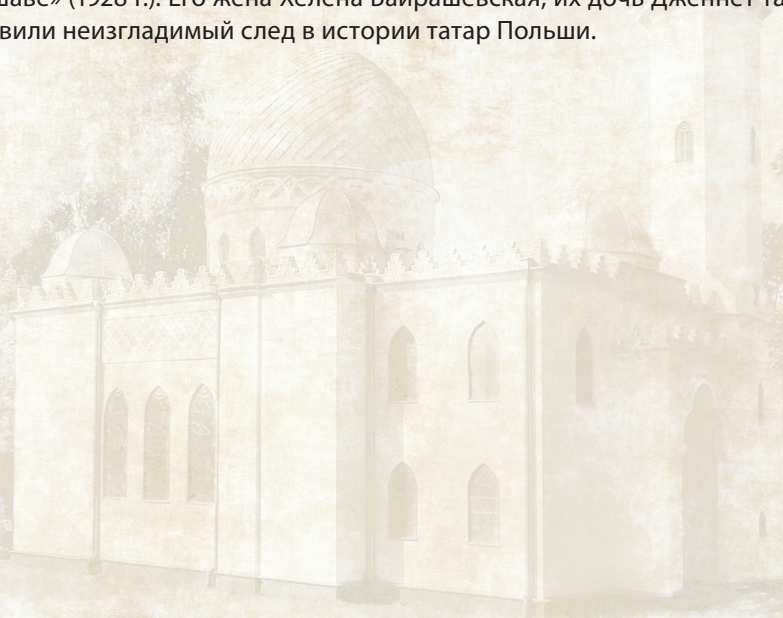
Институт востоковедения Российской академии наук / Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

Материалы о польско-литовских татарах в печати северокавказской эмиграции 1920–1930-х гг.

Materials about the Polish-Lithuanian Tatars in the Press of the North Caucasian Emigration of the 1920s–1930s

В истории северокавказской эмиграции Польша и ее столица Варшава занимали особое место, ибо именно здесь развивала свою активную деятельность «Народная партия горцев Северного Кавказа» по линии общества «Прометей», созданного в 1928 г. Горская эмиграция имела определенные связи, наряду с местной научной интеллигенцией, и с мусульманским сообществом, прежде всего с татарской общиной, насчитывавшей в межвоенный период более пяти тысяч человек. Отталкиваясь от того факта, что эти контакты абсолютно не изучены, в данной статье мы решили обратиться к печатным изданиям северокавказской эмиграции, выходившим в 1920–1930-е гг. в Варшаве. Органом Народной партии горцев Северного Кавказа был журнал «Горцы Кавказа», который позже сменил название на «Северный Кавказ», имелись также другие «органы северокавказской национальной мысли», выходившие по конъюнктурным соображениям под разными названиями. Журналы издавались на двух языках: русском и турецком. Связь кавказских интеллектуалов с польско-литовскими татарами была обоюдно полезной: выступления прометеевских лидеров на политические темы, научные дискуссии в Восточном институте и на страницах журнала «Всход», обзор новых изданий, совместное проведение религиозных праздников и т. д. оживляли быт, как эмигрантов, так и местных мусульман. Кавказские эмигранты выступали в таких изданиях татарской общины, как «Rocznik Tatarski» («Татарский ежегодник»), «Życie Tatarskie» («Татарская жизнь»), а такие видные польско-татарские деятели, как Ольгерд Найман-Мирза Кричинский (1884–1941), публиковались в эмигрантских журналах «Национальная мысль», «Путь свободы», «Призыв», «Знамя народа».

Вызывают особый интерес материалы в этих изданиях о татарском полке уланов им. Мустафы Ахматовича, о строительстве варшавской мечети, о религиозном состоянии польских мусульман, о таких ярких личностях, как Сулькевич, муфтий Якуб Шинкевич и др. В колонках «Среди эмиграции», «Обзор печати», «Хроника» можно найти сообщения о жизни татарской общины в целом. Достоин внимания сведение о том, как Магомет-Гирей Сунш был делегирован во Францию по делу строительства мечети в Варшаве. Также здесь необходимо упомянуть имя выдающегося ингушского политического деятеля Вассан-Гирея Джабагиева (1882–1961), выпускавшего в Варшаве на польском языке журнал «Przegląd Islamski» («Исламское обозрение»). Будучи автором многих публикаций в польской периодической печати, В.Г. Джабагиев ратовал за единство мусульман, стал одним из составителей устава «Комитета по строительству мечети в Варшаве» (1928 г.). Его жена Хелена Байрашевская, их дочь Дженнет также оставили неизгладимый след в истории татар Польши.

dr Katarzyna K. Starczewska

El Centro de Ciencias Humanas y Sociales (CCHS) del Consejo Superior de Investigaciones Científicas / The Centre for Human and Social Sciences (CCHS) of the Spanish National Research Council (CSIC)

Qur'ans of the Spanish Moriscos' and the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania: Drawing Comparisons and Tracing Patterns

This paper aims to present a preliminary comparative study between the Qur'anic translations produced by two autochthonous European communities: Spanish Mudéjars (Muslims who remained in the Iberian Peninsula after the Christian reconquest) and Moriscos (former Muslims forced to convert to Christianity) and, on the other side of continent, the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania (GDL). Existing, as far as I know, practically unaware of each other, these two groups developed strikingly similar strategies for preserving their religious knowledge and their juxtaposition raises a number of questions. To begin with, the framework for this comparison is provided by some basic facts: over the span of two centuries in the case of the Morisco population (starting with the conquest of Granada in 1492, until the expulsion of Moriscos in 1609)¹ and three centuries in that of the Tatars of GDL (17th to 19th centuries), their literary production was exclusively hand-written. Both groups preserved their Muslim religiosity but, with some erudite exceptions, lost their knowledge of Arabic, the holy language of Qur'anic revelation. Moreover, without having access to one another's culture, both Moriscos and Tatars of the GDL adapted the Arabic alphabet to their vehicular languages, Romance and Slavic respectively. Thanks to this adaptation strategy, they maintained the sacred aspect of their writings and were able to translate the Qur'an into a language they fully understood. However, in spite of these striking similarities between the two groups, there were also notable differences. While the Tatars of the GDL were granted full religious freedom, Moriscos were heavily persecuted for any signs of adherence to Islam. In order to shed more light on the phenomenon of Eu-

¹ The expulsion edict was decreed in 1609, the physical expulsion process lasted until 1613.

ropean Muslim cultures, in this paper I will present some manuscript examples Qur'anic translations of Morisco and the Tatars of the GDL, briefly describe their transcription methods, draw some preliminary conclusions on their translating strategies, and try to answer the question about the reception and influence of these translations outside Muslim communities.

assoc. prof. dr Andrzej Stopczyński

Uniwersytet Łódzki / University of Lodz

Turkey in the Political Thought of Musa Bigiev

The process of the “Islamic Renaissance” in Russia has led the Muslim community, in particular the Tatars, to look back and take advantage of the historical experience and achievements of Tatar theological thought in order to utilize it in the process of building the identity of Russian Muslims. In recent years, the most visible element of this process has been an attempt to rethink the concept of Jadidism – the reform movement among Muslims in the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries. One of the most outstanding figures of this movement was Musa Jarullah Bigiev, a religious scholar, politician, and writer. Many of his works relate to fields such as history, law, Islamic jurisprudence, international relations. State and society issues constitute the essential element of Musa Bigiyev’s intellectual heritage. The thinker in many dissertations raised the above issues and considered them from different perspectives – both a Muslim and a citizen of the Russian state. Bigiev, as an advocate of the liberation of Muslim nations from colonial dependence, also took up this topic in his works. At the same time, he referred to the often confusing issues of the contemporary international situation. He tried to find the reasons for the collapse of the political power of Muslim states. Bigiev emphasized that the right to a Muslim caliphate belongs only to the Turkish state. Hence he stressed that Russian Muslims recognize Turkey as the caliphate’s successor. The thinker saw in the Turkish state the strength that could contribute to the liberation of the Muslim nations of the East.

The aim of this paper is to outline the political thought of Musa Bigiev, based on his book “Appeal to the Turkish Grand National Assembly”, which he wrote in 1920 and handed personally to a member of the Grand National Assembly of Turkey in 1921.

prof. habil. dr. Sergejus Temčinas

Lietuvių kalbos institutas / Institute of the Lithuanian Language

«Alfurkan tatarski» (Wilno, 1616/1617)

Петра Чижевского: текст и его авторство

***“Alfurkan tatarski” by Piotr Czyżewski (Wilno, 1616/1617):
the Text and its Authorship***

Pranešime bus aptartas Vilniuje veikusioje Juzefo Karcano spaustuvėje 1616/1617 m. lenkų kalba išleisto Petro Čiževskio (Piotr Czyżewski) veikalas „Alfurkan tatarski prawdziwy, na czterdzieści części rozdzieliony...“, ideologiškai nukreiptas prieš Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės totorius musulmonus. Šis leidinys yra pagrindinis iki mūsų dienų išlikęs autentiškas šaltinis, teikiantis originalios istorinės informacijos apie šią senosios Lietuvos etnokonfesinę grupę.

Ypatingas dėmesys bus skirtas autoriaus asmenybei, kuri iki šiol lieka praktiškai nežinoma. Dar nuo A. Brücknerio laikų mokslinėje literatūroje yra plačiai paplitusi nuomonė, kad šis leidinys autoriaus išleistas, prisidengus slapyvardžiu, t. y. norint nuslėpti autoriaus asmenybę. Situacija komplikuoja aplinkybė, kad Matijas Čiževskis (Matiasz Czyżewski) tais pačiais 1616 m. Vilniuje neidentifikuotoje spaustuvėje išleido leidinį „Alkoran, to jest Zakon abo wiara zabobonnej i obłudliwej Sekty machometañskieje...“, kurios turinys, A. Brücknerio teigimu, dėsto iš dalies tą pačią medžiagą. Šiuo metu šio leidinio egzemplioriai nėra žinomi. Savo panašaus turinio leidiniuose, kuriuose, abu leidinius mačiusių žmonių liudijimu, dalinai skelbta ta pati medžiaga, Matijas ir Petras Čiževskiai mini vienas kitą ir vadina broliais, minėdami taip pat vienas kito kūrinis.

Pranešime bus pateikti duomenys, leidžiantys atsakyti į klausimą, ar vienas Petro Čiževskio veikalas „Alfurkan tatarski“ tekstas rašytas vieno žmogaus. Tai bus padaryta vertinant kūrinys reiškiama požūrio į Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės totorius ir musulmonus apskritai dinamiką. Taip pat bus pateikti duomenys apie leidinio „Alfurkan tatarski“ makrostruktūra, taip pat galimai susiję su teksto autoryste. Ši informacija bus naudinga, vertinant tikimybę, kad už Matijo ir Petro Čiževskių vardų slypi vienas asmuo.

Atskirai bus kritiškai aptartos mokslinėje literatūroje išsakytos labai įvairios nuomonės apie Petro Čiževskio asmenį ir jo socialinę padėtį (kuri, skirtingais vertinimais, gali įvairuoti nuo Vilniaus kanoniko dvasininko iki smulkaus bajoro pasauliečio) ir suformuluotos vienareikšmės išvados šiuo klausimu. Taip pat bus aptarta bei įvertinta tikimybė, kad Matijo ir Petro Čiževskių vardai išties yra išgalvoti slapyvardžiai.

Pagaliau, gretinant tris Petro Čiževskio Vilniuje spausdintus leidinius (1616/1617 m., 1640 m., 1643 m.), bus patikslinta jų rengimo ir spausdinimo istorija, skiriant ypatingą dėmesį autoriaus ir leidėjo funkcijų tarpusavio atskyrimo pagrįstumo klausimui.

prof. habil. dr. Diliara Usmanova (Диляра Усманова)

Казанский (Приволжский) федеральный университет / Kazan (Volga region) Federal University

Муфтий Якуб Шинкевич: научная биография

Scientific Biography of Mufti Jakub Shinkewich (Jakob Szykiewicz)

В докладе будет представлена научная биография Якуба Шинкевича (1884–1966), которая, в основном, датируется 1904–1927 гг. На эти годы приходится обучение Якуба Шинкевича в Санкт-Петербурге и Берлине. В 1904 г. он поступил в Политехнический институт в Санкт-Петербурге, однако после долгих раздумий осознал, что не испытывает склонности к техническим наукам. Поэтому сдал дополнительный экзамен по латинскому языку, в 1912 г. поступил на востоковедное отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, где начал изучать арабский, персидский и турецкий языки. В университете под руководством профессора А.Н. Самойловича он стал заниматься научной деятельностью: изучал рукописные книги (*кятибы*) и религиозные тексты, имевшие распространение среди польско-литовских татар. После окончания Первой мировой войны, в 1919 г. Якуб Шинкевич переехал в Берлин для продолжения высшего образования. В 1921–1924 гг. он являлся студентом философского факультета Берлинского университета (Семинар восточных языков), занимаясь восточными текстами. В эти же годы Я. Шинкевич состоял членом т. н. «Восточного клуба» в Берлине (Oriental Club, Berlin), а также поддерживал тесные контакты с исламской общиной Берлина. Летом 1925 г. он завершил и представил на публичную защиту докторскую диссертацию на тему «Синтаксис произведений Рабгузи». Референтами (профессора В. Банг-Камп и Е. Миттвух) работа была оценена очень высоко (на «очень похвально», «sehr gut» или «valde laudabile»). Диссертация была успешно защищена в начале 1927 г., когда Я. Шинкевич уже переехал в Польшу и был избран муфтием. Последнее обстоятельство значительно изменило жизненные обстоятельства Я. Шинкевича, который был вынужден отойти от научной сферы и в боль-

шей степени сосредоточиться на религиозно-административной и политической деятельности.

**dr. Albina Khayrullina-Valieva (Альбина Хайруллина-Валиева),
Academician of the International Humanitarian Academy “Europe-Asia”**

Международен Център за културни и научни дейности /
International Research Centre

From Ancient Traditions to Modern Design: Interpretation of Some Ornaments on Leathercraft Items

Kazan patterned leather takes a special place among the magnificent works and objects of applied art of different nations. Patterned shoes are one of the ancient traditional crafts of the Kazan Tatars. Kazan leather shoes gained world fame due to their artwork qualities, polychromy and complex solution. The *ichigi (leather boots)* craft and the art of leather mosaic are characterized by the ornament originality. The floral ornament, that is typical of the Oriental art, the images of the Sun, the heavenly god Tengri and the Earth are reflected in leather shoes, cushions, decorative panels made of colored leather pieces sewn together with silk, golden and silver threads. Ornamentation technique of boots, shoes and other items, consisting in simultaneous stitch embroidering of colorful leather pieces, which are patternedly cut of, is unique and has no analogues in world art practice.

Information about the art design of Turkic footwear, revealed in different historical acts, travel diaries, descriptions of museum collections has a great importance. It allows us to assume a great traditionalism of leather mosaic in the Tatar folk decorative and applied arts. This assumption is also supported by the stylistic uniformity of a large number of decorative motifs, the similarity of the principles of the composite and colour solution identified with the comparative analysis of leather mosaic and other traditional types of national applied art. The development of representativeness and the technical methods of leather mosaic can be judged on the basis of later monuments. Due to the historical succession, the art of leather mosaic stepped over the centuries, perfecting and improving its distinctive features.

assoc. prof. dr. Mehmet Celal Varışođlu,
assoc. prof. dr. Behice Varışođlu

Tokat Gaziosmanpařa Üniversitesi / Tokat Gaziosmanpasa University

Kültürel Diplomasi Çerçevesinde Türkiye'nin Litvanya'ya ve Litvanya Tatarlarına Dönük Perspektifi

Turkey's Perspective Towards Lithuanian Tatars in the Framework of Cultural Diplomacy

20. yüzyılın ikinci yarısından itibaren geleneksel diplomasi anlayışının terkedilmesi ve diplomasi devletler arası müzakereler sürecinden kamu diplomasisine dönüşmesi, diplomasi kavramının alanını yatay ve dikey düzeylerde genişletmiş; yeni alt başlıklar üretmiştir. Kültürel diplomasi, bir ülkenin yumuşak gücü (soft power) olarak nitelendirilebilecek kamu diplomasisinin alt başlıklarından birini oluşturmaktadır.

Kültürel diplomasi çalışmaları, ülkeler ve halklar arasındaki sosyo-kültürel işbirliğini kurmak, geliştirmek ve sürdürülebilirliğini sağlamak üzere yürütülen, kültür, eğitim, sanat, bilim ve teknik gibi alanlardaki etkinlikler bütünüdür. Bu etkinliklerin sonucu olarak, toplumlarda kültürel bir farkındalık oluşur; toplum üyelerinin birbirlerine, kültürel miraslarına ve kültürel farkındalıklarına saygısı artar. Bu saygı, karşılıklı anlaşmayı sağlayarak hedef kültürler üzerinde yeni fikirlerin ve anlayışların geliştirilmesine katkı sağlar.

Bu çalışmada, Nicholas Cull, Scott-Smith, Paschalidis, Joseph Nye, L'Etang gibi arařtırmacıların kamu diplomasisi ve kültürel diplomasi kavramıyla ilgili ortaya koydukları yaklaşımlardan hareketle, Türkiye'nin Litvanya'ya ve Litvanya'daki Tatar toplumuna yönelik olarak yürüttüğü kültürel diplomasi çalışmaları incelenecektir.

Altın Orda Devleti'nin 14. yüzyılda parçalanması sonrası Kazan, Kırım ve Astrahan hanlıklarından Litvanya Büyük Düklüğü'ne göç eden Litvanya Tatarları, bugün ülkenin hemen birçok bölgesinde yaşamakta olsa da, Tatarların Litvanya'daki ilk yerleşim yerlerinden olan Kırk Tatar (Keturiasdeřimt Totorių) ve Nemėžiš köyleri ile başkent Vilnius ve çevresindeki diđer yerleşim yerlerinde daha yoğun olarak ikamet etmektedirler.

Türkiye Cumhuriyeti, Litvanya'nın 11 Mart 1990 tarihinde Sovyetler

Birliđi'nden ayrılmasının ardından gerek Dışışleri Bakanlıđı, Millî Eđitim Bakanlıđı, Kltr ve Turizm Bakanlıđı ve Vilnius Bykeliliđi yoluyla bakanlıklar zerinden gerekse YK, TİKA, Yunus Emre Enstits, Diyanet İřleri Bařkanlıđı, Yurtdıřı Trkler ve Akraba Topluluklar Bařkanlıđı gibi kurumlar yoluyla Litvanya'ya ve Litvanya Tatarlarına ynelik olarak kltrel diplomasi alanında birtakım faaliyetler yrtmektedir. lkenin ikinci byk řehri ve kadim bařkenti Kaunas'taki caminin TİKA tarafından yrtlen restorasyon, Nemzi's'te inřa edilen Kltr Merkezi, bařkent Vilnius bařta olmak zere Trk sanatıların katılımlarıyla verilen konserler, kongre, fuar ve sergi destekleri bu alıřmalardan sadece bazılarıdır.

Bu arařtırmada, Trkiye Cumhuriyeti'nin Litvanya'da Litvanya halkına ve Litvanya Tatarlarına ynelik olarak dzenlediđi kalkınma ve altyapı, restorasyon, deđiřim programları, đretim elemanı desteđi, sanat sergileri, eđitim-đretim, kurs faaliyetleri, kongreler ve diđer bilimsel etkinlikler, konserler, turizm fuarları gibi organizasyon, program ve etkinliklerle kltrel deđerlerin ve kaynakların karřılıklı olarak bilinmesi, anlařılması ve bu yolla uluslararasılařma faaliyetleri ele alınacaktır.

PhD student Katarzyna Wasiak

Uniwersytet Łódzki / University of Lodz

Polish Tatars – Identity in Facing Contemporary Challenges

Like any ethnic group, the Polish Tatars are confronted with a multidimensional identity – in this case, the two most important aspects of identity are those relating to religion and Polishness. Researchers on Tatar issues repeatedly emphasize that the factor that allowed this group to maintain its ethnic distinctiveness was the religion it professed – Islam. Research conducted by Katarzyna Warمیńska in 1991–1994 showed a complex model of Tatar identity, based on three separate axes: ethnic, religious, and national.

Repeatedly conducted analyses show that the Muslim community of interest defines itself through the prism of Polishness, but still, the aspect of religiousness is extremely important to find itself on the growing map of “Polish Islam” which consists not only of autochthonous Polish Muslims, but also of migrants, refugees, students, and Polish converts.

In this presentation, the author wants to show the complexity of Tatar identity. How the Tatar identity is constructed nowadays. Is religion still an absolute condition of being a Tatar? From the external perspective, yes – this is the effect of the policy of the Polish state, which for many years defined the Tatar community by the criterion of religion as “Polish Muslims”. But from an internal perspective, does Tatariness have to refer to Islam?

The author would also like to point out the problems that currently afflict the Muslim community in Poland, especially the growing Islamophobia in Poland.

lic. Maria Woźniak

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu / Nicolaus Copernicus University in Toruń

Przekłady Koranu na język polski od XVI do XXI wieku. Najnowsze ustalenia

Translations of the Qur'an into Polish from the 16th to the 21st Century. Latest Findings

Referat będzie dotyczył przekładów świętej Księgi islamu na język polski, które powstały w okresie od XVI do XXI w. Pojawią się w nim zagadnienia dotyczące tatarskiego tefsiru, Koranu w przekładzie filomatów i jego związków z tłumaczeniem sygnowanym nazwiskiem Jana Murzy Tarak Buczackiego, rękopisu z Czombrowa, Koranu Józefa Bielawskiego, przekładu grupy wyznaniowej Ahmadiyyah, Jarosława Surdela, dwóch wydań przekładów autorstwa Musy Czachorowskiego (z 2018 i 2020 r.) i najnowszego przekładu Rafała Bergera z 2021 r. Podczas wystąpienia poruszone zostaną między innymi kwestie historyczne każdego z tych przekładów, przedstawiona ich charakterystyka i ogólna problematyka przekładu świętej Księgi islamu. Zmiany kulturowe, społeczne i polityczne, które zachodziły w czasie prac nad poszczególnymi przekładami Koranu, mogły mieć duży wpływ na charakter i konstrukcję tłumaczeń, zatem również zostaną one uwzględnione w wystąpieniu. Referat będzie formą prezentacji stanu badań i najnowszych ustaleń na temat przekładów Koranu na język polski.

Totoriai Lietuvos istorijoje ir kultūroje XIV–XXI a.: naujausi tyrimai / Tatars in the History and Culture of Lithuania from the 14th to the 21st Centuries: the Latest Researches

Pranešimų santraukos / Abstracts

Rinkinį sudaro tarptautinės mokslinės konferencijos „Totoriai Lietuvos istorijoje ir kultūroje XIV–XXI a.: naujausi tyrimai“, skirtos paminėti Lietuvos totorių istorijos ir kultūros metus, pranešimų santraukos. Leidinys skirtas visiems, kas domisi Lietuvos totorių istorija, kultūra, religija ir tradicijomis.

Vilnius, 2021. – 74 p.

Tiražas 100 egz.
Spausdino BĮ UAB „Baltijos kopija“
Kareivių g. 13B, LT-09109 Vilnius
spauda@kopija.lt
www.kopija.lt